

— И запомни: я для тебя не второгодник, а ветеран!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

Старуха Ефремкина изо всех сил старалась шагать в ногу с веком. Она носила модный шиньон и яркие платья. Зимой надевала брюки в обтяжку и высокие мушкетерские сапо-

паром, грела щеку синим светом. Стоматологическая самодеятельность не помогла, и рассудительный сын сказал:

— Мама, мне непонятно твое упреждение. Почему ты не идешь в поликлинику, игнорируешь бесплатное лечение, одно из благ нашего общества?

— Сынок, я боюсь доверить врачам свою челюсть, — ответила Ефремкина.

слышится стук падающих в миску зубов, ему не до анекдотов, — обиделась Ефремкина.

— Вы не совсем понимаете, что такое местная анестезия, — с трудом сдерживая смех, сказал стоматолог. — Под местной анестезией следует понимать не анестезию местного производства, а потерю чувства боли в ограниченном, локальном, так сказать, пространстве...

золотых гор она преподнесла хирургу букетик флоксов за полтинник. Я такая свинья. Я получаю хорошую пенсию, мне помогает мой сын, научный работник, так что денег мы не пожалеем. Если хотите, могу дать вперед.

И Ефремкина полезла в сумочку. Лицо стоматолога выразило неподдельный ужас. Он затравленно оглянулся на коллег, которые не без интереса прислушивались к их разговору.

— Как вы смеете думать, что в поликлинике за взятку... — Тут у несчастного стоматолога перехватило дыхание, и он хлебнул водичку из стакана, предназначенного для больных.

— Я ничего не думаю, — сказала Ефремкина, — одно я знаю: бесплатное лечение — это, конечно, наше достижение, а когда приходишь — приличной анестезии не допросишься!

Ефремкина спрыгнула с кресла и с достоинством покинула кабинет. Дома она сказала сыну:

— Нет большего хамства, чем в сфере медицинского обслуживания. Вырву зуб у дантиста без диплома. Сексидка говорит, что в этом деле он артист.

Подпольный стоматолог Метелкин, которого еще в тридцатые годы выгнали со второго курса мединститута за леность и пьянство, принял Ефремкину в затрапезном виде — майке, заправленной в вельветовые штаны, ниспадавшие на старые спринтерские туфли без шипов.

— Говоришь, мать, зуб замучил? — сказал он, позевывая и скребясь под мышками. — Значит, рвать будем!

— Анестезия у вас есть? — спросила Ефремкина.

— У меня все есть!

— А импортная имеется?

— А как же, — не моргнув глазом ответил Метелкин, смекнув, с кем имеет дело. — Самая, что ни есть лучшая импортная. Мне один заграничник привез. Он в капалтеке ее на инвалитуту покупал. Однако будет стоить недешево — две десятки...

— Нельзя ли уступить? — на всякий случай сказала Ефремкина.

— Уступить... А ты попробуй ее привези, когда таможенники все наскрозь аппаратами прощупывают. А пограничные собаки? Они эту анестезию за километр чувят. Страшное дело!

Ефремкина сдалась.

— Понятно, если хотите, можно и подешевле, — сказал Метелкин, копясь во рту пациентки. — Скажем, местную анестезию Барнаульского или Хрипуновского заводов. Но, по совети говоря, нет в ней той медицинской силы...

Ефремкина не успела ответить: ужасная боль пронзила ее и исторгла из груди вопль. Метелкин посмотрел на щипцы и меланхолично заметил:

— Неужто я за разговором не тот зуб вырвал? Однако не должно... Потерпи, мать, сейчас докопаемся до сути...

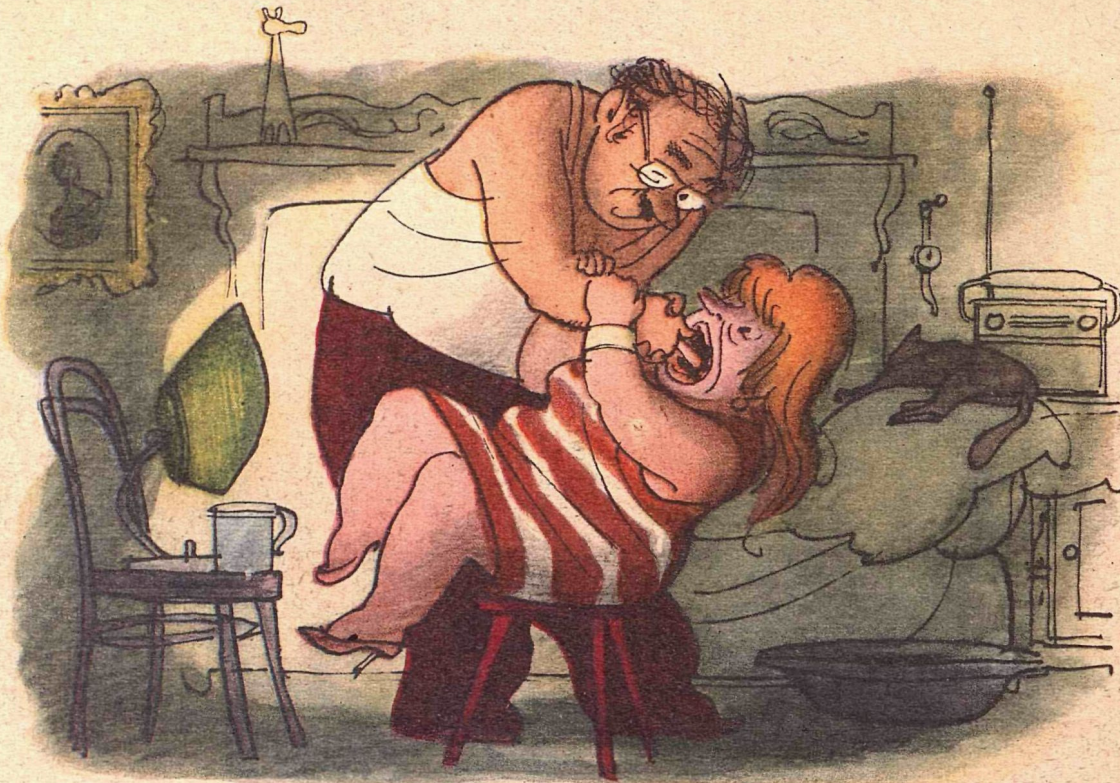
Он еще долго орудовал железом во рту Ефремкиной. Она хватала его за длинные голые руки, умоляла отпустить на волю. Спустя полчаса она шла по улице, роняя крупные слезы на разогретый солнцем асфальт.

Ефремкина промучилась всю ночь, а утром побежала в поликлинику. Тот же стоматолог мрачно усадил ее в кресло и попросил открыть рот. То, что он увидел, смягчило его сердце.

— Какой варвар оперировал вас?! — ужаснулся он.

Ефремкина промолчала. В поликлинику она ходила еще с неделю, пока не привела в порядок свою челюсть. А спустя несколько дней она трясла шиньоном и, горячо жестикулируя, снова критиковала медобслуживание и бездушных стоматологов, у которых не допросишься приличной анестезии.

КОНТРАБАНДНАЯ

АНЕСТЕЗИЯ

ги. Время несколько подпортило фигуру Ефремкиной, она не могла сойти за амазонку даже на расстоянии пушечного выстрела. Зоркие старухи четырех близлежащих переулков не могли простить ей брюки и ярое осуждали Ефремкину, а сын, скромный научный работник, тоже как-то сказал:

— Мама, не слишком ли ты экстравагантно одеваешься?

— Не будь обывателем, — ответила она. — Я цивилизованный человек. На Западе женщина чем старше, тем ярче одевается, и это так естественно. Поблекшие краски молодости компенсируются красками костюма.

Ефремкина модернизировала и свой быт. Послала к черту стряпню, пыталась фасованными болгарскими супами и консервированными соками. По телевизору смотрела только многосерийные детективы и иностранную хронику о ледящих душу происшествиях в каменных джунглях: прыжки самоубийц с мостов в воду, жуткие аварии мотогонок и так далее.

Ефремкина не ходила в поликлинику. Она считала, что отечественная медицина накопила слишком мало знаний, чтобы ей можно было доверить свой организм. Вот почему, когда у нее заболел зуб, она начала лечиться подручными средствами: глотала пирамидон, дышала картофельным

на. — Ведь наша стоматология намного отстала от зарубежной.

— Откуда тебе это известно?

— Твоя мать — цивилизованная женщина, она следит за периодикой. В одном журнале я прочла, что за рубежом давным-давно ставят фарфоровые коронки, в то время как мы проваляемся стальными. Отсюда можешь сделать далеко идущие выводы!

Подручные средства все-таки подвели Ефремкину, и ей пришлось посетить поликлинику.

— Запустили вы свой зуб, — сказал врач. — Пришли бы вовремя — и мы бы его спасли. Теперь придется удалять.

— Надеюсь, будет не больно?

— Ничего страшного, удалим под местной анестезией.

— Вы всем даете местную анестезию? — спросила Ефремкина.

— Простите, что вы хотите этим сказать? — не понял врач.

— Нельзя ли взамен местной анестезии дать мне импортную?

Стоматолог усмехнулся.

— Этот старый анекдот про импортную анестезию мне уже рассказывали.

— Доктор, когда человек сидит в таком кресле, и кругом жужжат боршмашины, стонут люди, и то и дело

Обычно во время дискуссий Ефремкина слушала только себя, что присутствовало довольно многим людям. Поэтому она сказала:

— Доктор, я понимаю, импортной анестезии на всех не напасешься. Но вы не сомневайтесь, я отблагодарю вас за труды!

Улыбка мигмом сползла с губ стоматолога. Его буквально перекосило, и он сказал:

— Я должен был соответствующим образом отреагировать на ваше в высшей степени неуместное предложение. Оно оскорбляет меня как врача и гражданина. Но, принимая во внимание ваше болезненное состояние и медицинское невежество, я лишь попрошу немедленно прекратить этот унизительный разговор!

— Смешно меня упрекать в невежестве, — сказала Ефремкина, поправляя роскошный шиньон. — Я всегда была цивилизованной женщиной, к тому же за пенсионные годы мой культурный уровень неизмеримо вырос. Но не в этом дело. Возможно, вы полагаете, что я вас обижу? Это бывает. Одной моей знакомой удаляла полжелудка. Она пообещала хирургу в случае благополучного исхода золотые горы. Операция прошла блестяще, знакомая быстро поправилась, похорошела и даже удачно вышла замуж за третий раз. Но вместо

К ВЫСОКИМ НАДОЯМ!

ДОСТАТОЧНО ЛИ РАЗНООБРАЗНО КОРОВЬЕ МЕНЮ? Задавшись этим вопросом, животноводы совхоза «Сургутский» совместно с руководителями орс «Юганскнефти» провели серию интересных опытов, в ходе которых коровам предлагались вместо грубых и концентрированных кормов такие деликатесы, как печенье и сухое молоко.

Прогнозы экспериментаторов блестяще подтвердились. Только за два месяца совхозные буренки потребили 23,5 тонны киевского печенья «Зоря» и 1,6 тонны сухого молока, в результате чего их удои резко возросли.

Подобно многим другим открытиям, новый метод откорма скота родился по чистой случайности — в результате списания орсом кондитерских изделий из-за небрежного их хранения.

Как сообщил нашему корреспонденту начальник орс промышленного управления «Юганскнефть» тов. Я. Соболев, в настоящее время он теоретически разрабатывает методику скармливания крупному рогатому скоту конфет «Чио-Чио-Сан», шоколадно-вафельных тортов, а также вафель и пастилы высших сортов. «Для дальнейшего подъема совхозного животноводства», — заявил тов. Соболев, — нам ничего не жалко».

За хорошее настроение!

Интересное новшество внедряют в практику юриспруденции прокурорско-следственные работники Камбарского района, Удмуртской АССР.

Районная прокуратура в лице своего главы М. А. Сагдеева тепло поблагодарила общественного инспектора госрыбнадзора по Удмуртской АССР Михаила Корниловича Лаптева за бдительную охрану водоемов реки Буй в период

нереста, за изъятие у браконьера В. Я. Коняшина резиновой надувной лодки и трех штук сетей, а также пообещала привлечь нарушителя к ответу.

А вскоре прокуратура в лице того же своего главы М. А. Сагдеева с извинениями возвратила заместителю председателя Камбарского райисполкома Владимиру Яковлевичу Коняшину резиновую надувную лодку, три штуки сетей, а также пообещала приструнить распоясавшегося инспектора М. К. Лаптева.

Широкое распространение опыта камбарцев позволит добиться стопроцентной бесконфликтности в доселе нервном и хлопотном деле охраны природы.

Соль-новинка

В ЛЕНИНГРАДСКИХ МАГАЗИНАХ появился новый сорт поваренной соли. Продаются ее в обычных пачках, на которых по-русски написано «Соль». Однако только самые отчаянные домохозяйки рискуют использовать содержимое пачек в пищу: блюдо, посоленное этой солью, покрывается бурой пеной.

Как показали кухонные исследования, соль-новинка смешана с землей. Добывают ли ее в таком виде в шахтах города Артемовска, или добавляют землю по вкусу при хранении на соляной базе Ленинградской конторы Росбакалеи — пока неизвестно.

Парад новоселов

Одно за другим справились новоселья в здании Медынского Дома культуры шесть районных организаций и учреждений. В его светлых, просторных комнатах удобно разместились три библиотеки, райсовет ДОСААФ, детская комната милиции и райотдел культуры.

Пока еще не нашлось канцелярии, которая согласилась бы поселиться в последнем незанятом помещении Дома культуры — просторном зрительном зале. Однако Медынский райисполком Калужской области планирует в ближайшее время решить этот вопрос, ибо кинофильмы, концерты и прочие несерьезные мероприятия, изредка проводимые в зале, серьезно мешают нормальной работе упомянутых учреждений.

Обмороженных не будет

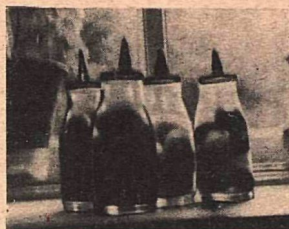
УСПЕШНО БОРЮТСЯ с обморожениями в городе Ростове-на-Дону. Инициаторами ценного почину выступили работники трамвайно-троллейбусного парка города, вызвавшие предотвратить ВСЕ СЛУЧАИ ОБМОРОЖЕНИЯ, несмотря на об-

манчивую летнюю погоду. С этой целью в салонах трамваев и троллейбусов в течение всего лета безотказно и на полную мощность действует отопление.

Слово за демографами

В настоящее время многие демографы усиленно работают над решением проблемы сокращения рождаемости в летне-осенний период. Необходимость в этом вызвана потребностями консервирования фруктов и овощей.

Выяснено, что детские резиновые соски обладают рядом преимуществ в сравнении с жестяными крышками для банок. Они дешевле, не требуют специальной машинки для закручивания и т. д.

Учитывая жалобы многочисленных любителей домашнего консервирования на острую нехватку сосок в аптеках, демографы разрабатывают рекомендации, которые могли бы оградить консервников-надомников от конкурирующих потребителей — августовско-сентябрьских младенцев.

Первое дело — ритмичность

МЕТОД НЕПРЕРЫВНОГО ПРОИЗВОДСТВА театральных кресел из прессованных опилок разработан Магаданским промкомбинатом. Метод чрезвычайно прост и предельно доступен для освоения другими комбинатами. После того, как установленные в зале кресла рассыпаются на первоначальные опилки, последние упаковываются в мешки и возвращаются на комбинат для повторного прессования и сборки, затем вновь устанавливаются в зале и т. д.

Опробование нового метода, проведенное недавно в клубе прииска Красноармейский (Магаданская область), блестяще подтвердило его надежность. Все 240 кресел, установленные в кинозале клуба, как зафиксировано актом, «после первого месяца эксплуатации пришли в полную негодность и все рассыпались».

Что касается убытков в 10 804 рубля 20 копеек, понесенных в результате этого изготовителем, то они вполне окупаются ритмичностью работы, вызванной внедрением нового метода на комбинате.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Моя РЕКЛАМА

Капля чернил, сорвавшись с пера, Кляксою жирной на лист легла... Капля могла стать звонкою фразой, Яркой мечтой, окрыляющей разум, Черная капля светлые вести Может прислать жениху о невесте, Горе доставить любому мальчишке, Черным пятном расплывшись по книжке...

Многие могут чернильные капли: И научить и обидеть — не так ли? Эта же, капнув с конца пера, Повод и тему стихов мне дала.

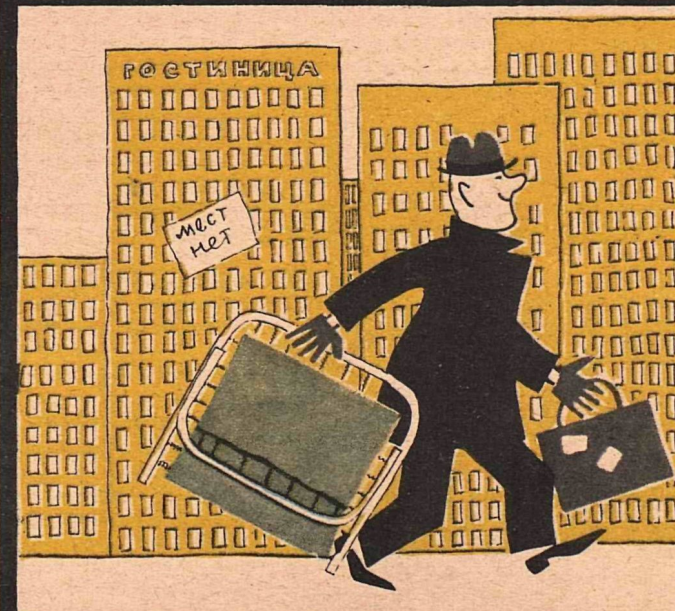
ЗНАЕМ ЧЕРНИЛЬНЫХ РУЧЕК ШТУЧКИ! ПОКУПАЙТЕ ШАРИКОВЫЕ АВТОРУЧКИ!

В. ПЕТЕЛИН

г. Пятигорск.

Публикуя эту рекламу, редакция, к сожалению, не может сообщить адреса магазинов, где продавались бы шариковые ручки. Не поможет ли Министерство торговли?

Отправляясь в дальний путь

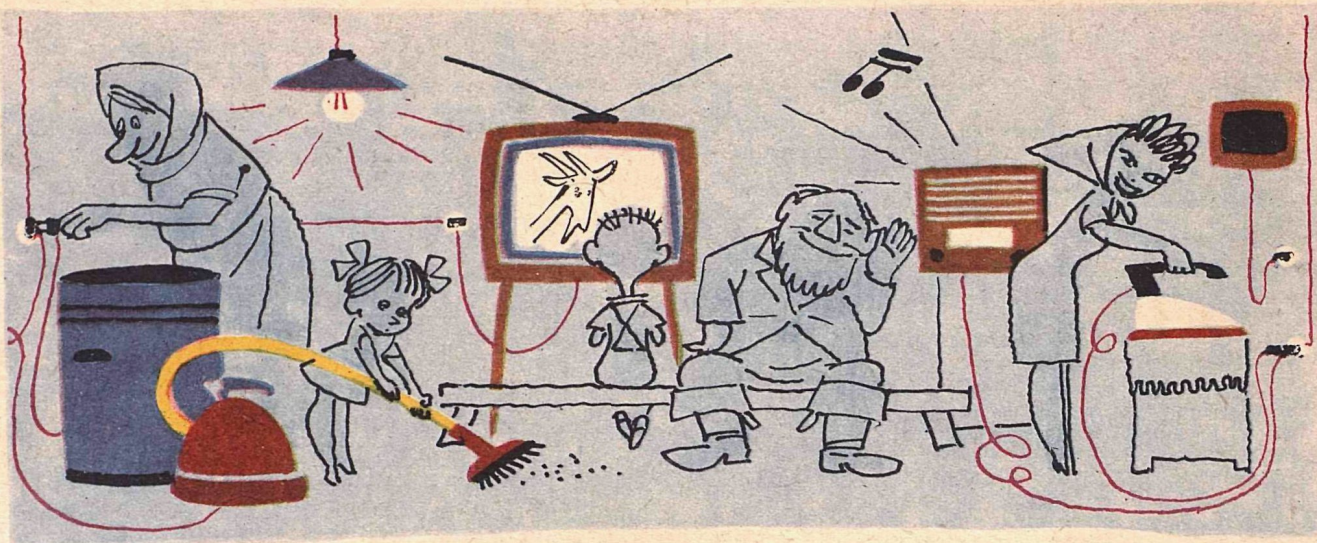

Раскладушку купить не забудь

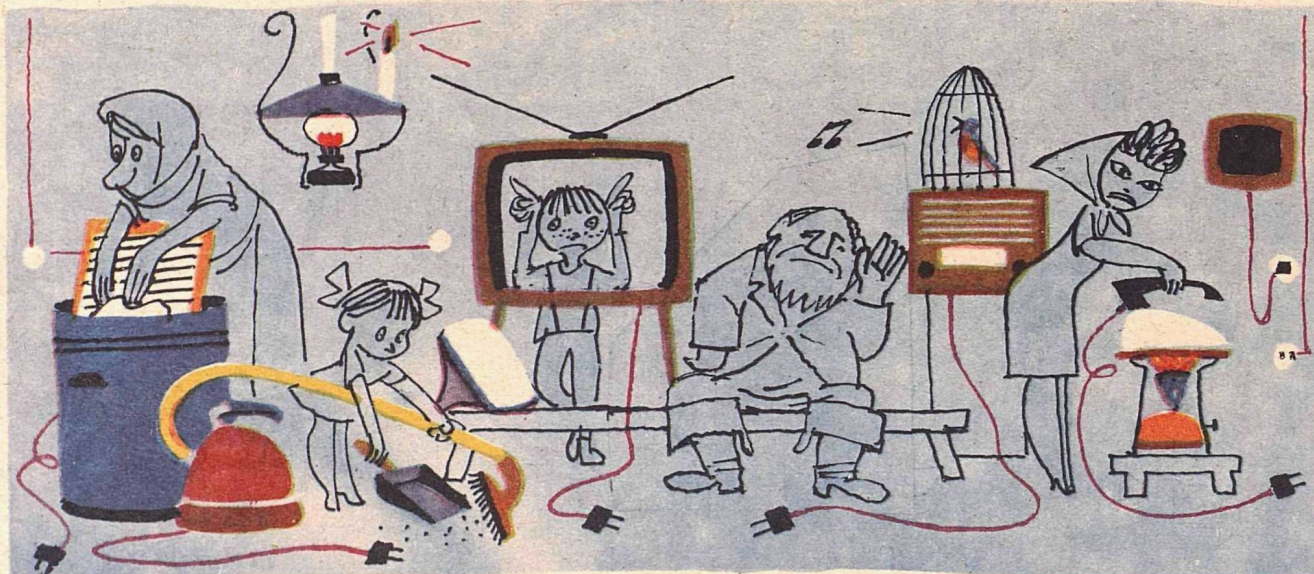
Рисунок Л. ЗОСИМОВА

В самом устье Северной Двины есть поморская деревня Красная. Говорят, так ее назвал еще Петр I за необыкновенную красоту. И в самом деле, откуда ни глянь — вид открывается великолепный. Избы живописно раскинулись по песчаному берегу, вплотную к ним подступает сосновый бор. А над крышами домов поднялся перелесок телевизионных антенн...

Если вы заглянете зимой в какую-нибудь избу, то увидите, наверно, такую картину:

Летом положение несколько меняется:

Тут в самую пору проверить, внимательный ли вы человек: найдите различия в этих рисунках.

А пока вы будете их искать, я объясню причину этих изменений.

Зимой по льду реки наводятся временная электросеть. Она и снабжает деревню током. Летом, естественно, эта сеть исчезает вместе со льдом, и тогда поступай как знаешь: хочешь — вези пылесос продавать в Архангельск, хочешь — используй его вместо веника. В общем, поистине переменный ток!..

Итак, если вы уже нашли все различия, то вы, конечно, внимательный человек. К сожалению, этого нельзя сказать о руководителях Северо-Двинского совхоза и Приморского райисполкома.

Ю. ЧЕРЕПАНОВ,
специальный корреспондент
Крокодила

Архангельская область.

ПСИХОЛОГИЗМЫ

К полудню сила ветра тянула уже на длинную заметку в газете. Пыль достигала неба. Видимость узилась. В смерчах завихряло щепки, лотерейные билеты, тополевою вату и мелких домашних животных.

Тулунское лето скрипело на зубах.

Но Тулун — это не только пыльные бури. Это и чрезвычайно богатые недра. Лучший в стране угольный разрез. Крупный железнодорожный узел на транссибирском пути.

Ввиду таких качеств Тулуна городская администрация что есть силы решала прорву хозяйственных и аграрных задач. Были также задачи психологического толка и свойства (если уж глубже копнуть, то все упирается в психологию и из нее вытекает), но психологией как-то не занимается. Может, область дала промашку, не ссудила специалистов, а может, в области их и нету.

Так что психология оставалась открытой. И возникали диалоги и монологи:

— Квеляя тут жизнь, в Тулуно. Деньги зарабатывать могу, а приложить их куда? Дом затевал. Пошел. Говорю, мне бы участок. Близкий. При

речке. Говорят, при речке нельзя: залегание голубых глин, сырье для фарфора. Ладно. Прошу другое отрезать. Не дают. Там, мол, кварцитовые пески, сырье для стекла. Ну, согласен, не без понятия. А где ж земля под участок? Нету! Там уголь пластуется, там молибдены, там черт лежит под землей, там дьявол. Ну, думаешь, нельзя строиться, так куплю дом. Да всё далекие дома продают. Прочие города, друг, растут от богатства, а у нас недра камнем на шее. Уеду.

— Вам легче. Бросил в чемодан несессер, аккредитив в подкладку зашил — и айда. А мне как раз надо дом продать! И далекий, отшибный. Пошел к исполкому, там на заборе объявления клеят — так уж некуда клеить. Все дома продают! Морально я не летун, а как жить? Нужна перспектива, у меня дети. Покажите мне в Тулуно перспективу. Вот так-то!

Очевидная и все же не зарегистрированная никем грустность портила лица тулунцев. Настроение прыгало вниз по лестнице через три ступени.

Хотя что такое настроение? Единича смутная, внеучетная.

По части же категорий учетных был идеальный ажур. Заверяли, что Тулунский угольный разрез будет лучшим в стране? Вот стал таковым! Представьте себе этот труд. Надо в условиях мерзлоты взорвать верхние толщи породы. Надо бульдозерами расчистить пласт угля. Надо доставить в разрез экскаваторы, притянуть в самый низ ветку железной дороги.

А бульдозеры вязнут в расхлюпанной мерзлоте. Экскаватор валится с ледяной макушки бугра. Угольный пласт вдруг рвется и исчезает. А когда до него добиваются, отцарапав миллионы кубометров породы, порода вдруг ползет из отвалов и хоронит под собой железнодорожную ветку.

Но шахтеры все одолели. Скажем им просто: поклон и спасибо.

Какие потом были приятности?

Коллегия Министерства угольной промышленности СССР отдала тулунским шахтерам свое самое главное знамя. И премию — 3 700 рублей.

Знамя без проволочек вручили. В первом ряду сидело начальство из иркутского «Востсибугля». Перед ним хотелось блеснуть.

Директор разреза Зинченко тихо сказал своему сотруднику Фриду:

— Оглашать, кому сколько премия, будешь ты. Зачтешь, кому по двадцать рублей, по десять, а мельче сум-

мы уже не указывай, читай быстро фамилии.

То есть пусть начальство из области умилится и думает, что мельче десяти рублей премий нет.

Фрид огласил. Зал аплодировал. В столовой наладили яства. Было празднично. Был полночный мужской ажиотаж с потреблением закусок и водок.

И наряду с начальством из «Востсибугля» шахтеры тоже поверили, что им причитаются премии по 20 и 10 рублей.

Но на другой день, когда иркутские столпы попрощались, из окошечка кассы людям стали высовывать пятирублевки. И вразумили:

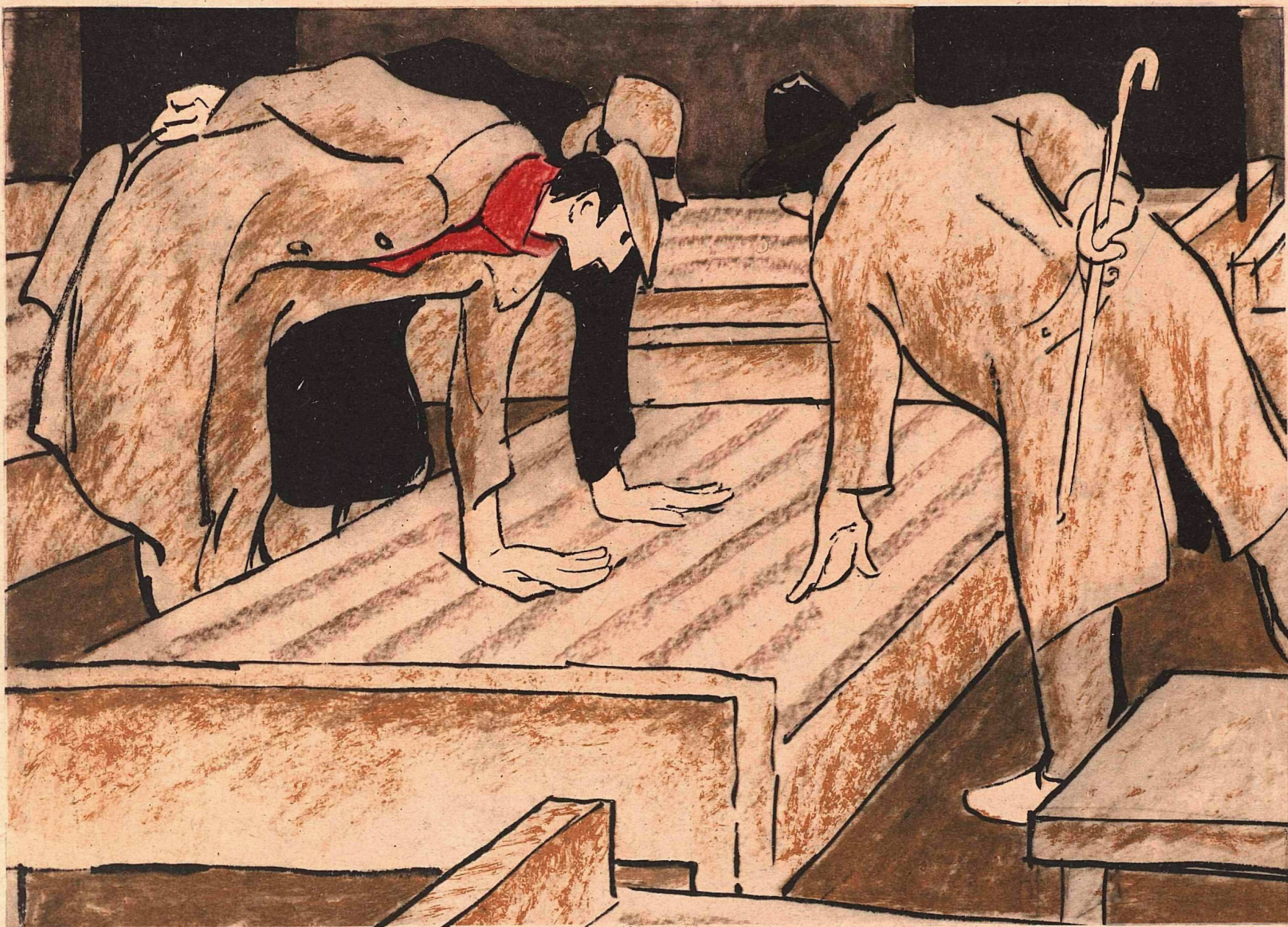
— Это, Сидоров, было только зачитано так, по червонцу. Для торжества момента. Знамя, понимаешь, вручают, вот и зачли. А объективно — пятерка.

— Да,— сказал Сидоров.— Хреновое, я вижу, дельце! Ладно б так, не касаемо к знамени. А это что ж получается?

И вне зависимости от того, кто получил 20 рублей, а кто 5, все шахтеры насупились. А почему?

У людей есть понятие: касса, бюджет. Они восполнимы. Изъятая кем-то пятерка не пробьет вечную брешь.

Но есть другое понятие: моральный бюджет человека. Нравственная касса личности. Душевный баланс ин-

— Эта кровать отлично украсит нашу квартиру!
 — Конечно. А спать можно и на раскладушке.

Рисунок Л. СОЙФЕРДИСА

дивидуума. Эти бюджет, касса, баланс открыты лишь для вложений. Каждый, в меру своей чуткости и человечности, волен делать вложения. Но изымать отсюда нельзя ничего. Это больно. Больно надолго, каким бы малым изъятое ни было. И его ничем не восполнить.

Впрочем, директор разреза Зинченко и не думал ничего восполнять по линии моральных бюджетов. Другое дело — простой вагонов. Это проблема. Производство, оно держится не психологией, а технологией.

Пускай где-то в других сферах возьмется с этими мелочами по созданию настроений веселости и доверия. Вот, скажем, актеры: сегодня у него клеится, завтра — никак. Дисциплиной, видимо, не прижаты.

А какие настроения, скажем, на шахте, на заводе?

Не место тут настроениям. Мало ли что — на многих заводах уже вводится должность психолога. Вывих это. Метания. Grimасы прогресса. Проще надо, любезные! Коли ты рабочий, бери инструмент, исполняй свою функцию. Без штучек и мучек. И нечего рассусоливать — настроение коллектива, психологический кризис... Гиль, чепуха! Кризы побоку, а гони свою функцию.

И твердый Иван Аркадьевич Зинченко мне сказал напрямки:

— Ну, не так зачитали приказ, невязка вышла, ну и что?

— Так ведь накопление обид у людей в организме. Будет похуже отложения солей. И на показателях скажется.

— Обиделись — хуже работать станут?

— Хуже.

— Мелочи это. Пустое, — сказал сидящий тут же директор Азейского угольного разреза Грибанов. — Настроения, обиды! Надо уголь стране посылать, а не мудрить.

Такое было евангелие от Ивана Грибанова: коль ты рабочий и идешь на смену, психологию свою оставляй дома, а бери одну анатомию.

И два директора, покончив со мной, сели разгрызать вопрос: в какой день отселить семьи шахтеров из домов, переданных железной дороге?

Возможно, теперь, когда автор сидит над текстом, жены шахтеров уже творят неприятности директорам Зинченко и Грибанову.

Ибо директора еще зимой знали о намеченном переселении. Зимой должны были озаботиться, оповестить: не сажайте, граждане, огорода. Картошка ваша поспеет в августе, а в июле начнется ремонт домов, ремонтники стопчут грядки.

Должны были оповестить. Но вот же — забыли. Технология, экономика, то да се... А люди, не зная о

переселении, вбили прорву труда в огороды.

Теперь позвольте без привязки к месту и фамилий осветить один факт. Разгласим только край — Хабаровский.

С севера края поступило уксусное письмо (скверные люди живут вплоть до полюса!). Извещали: по документам гражданину N исполнилось 56 лет. Но руководство тамошней шахты, опережая время, закатило банкет в честь шестидесятилетия N. Липовому юбиляру отвалили подарки, прорву подарков, разве что не было живого слона с балдахинном.

Просили вклиниться в эту историю.

И оказалось: да, человеку точно 56 лет. Да, справляли юбилей — круглячок. Да, в складчину подносили «тяжелые» северные подарки.

Но директор шахты сделал маленькое разъяснение фельетонисту. Обрисовал жизнь юбиляра:

— У него силикоз, чтоб вы знали. С малых лет пришел в шахту, ушел тем же шахтером. Заслуженный, нам дорогой человек, а хватит ли ему здоровья до своевременного юбилея — кто знает. Вот мы и спешили порадовать его раньше срока, по своим остаткам и совести. Покуда живет.

И фельетон отпал. О людях, делающих добрые отчисления в моральный бюджет личности, должны писать очеркисты.

Шахта и прииск, где работал преж-

девременный юбиляр, тоже живы. Старый недровик, что выявил богатое месторождение полвека назад (я говорил с ним в Москве), страшно разволновался.

— Удивлен, — говорил он, не попадая ногою в шлепанец. — Я открыл там залежание. Я считал там запасы: максимум до половины столетия. Потом сползание, силами всего прииска не снабдить и одного зубного врача. Где они по сей день берут золото? У них есть в штате алхимик?

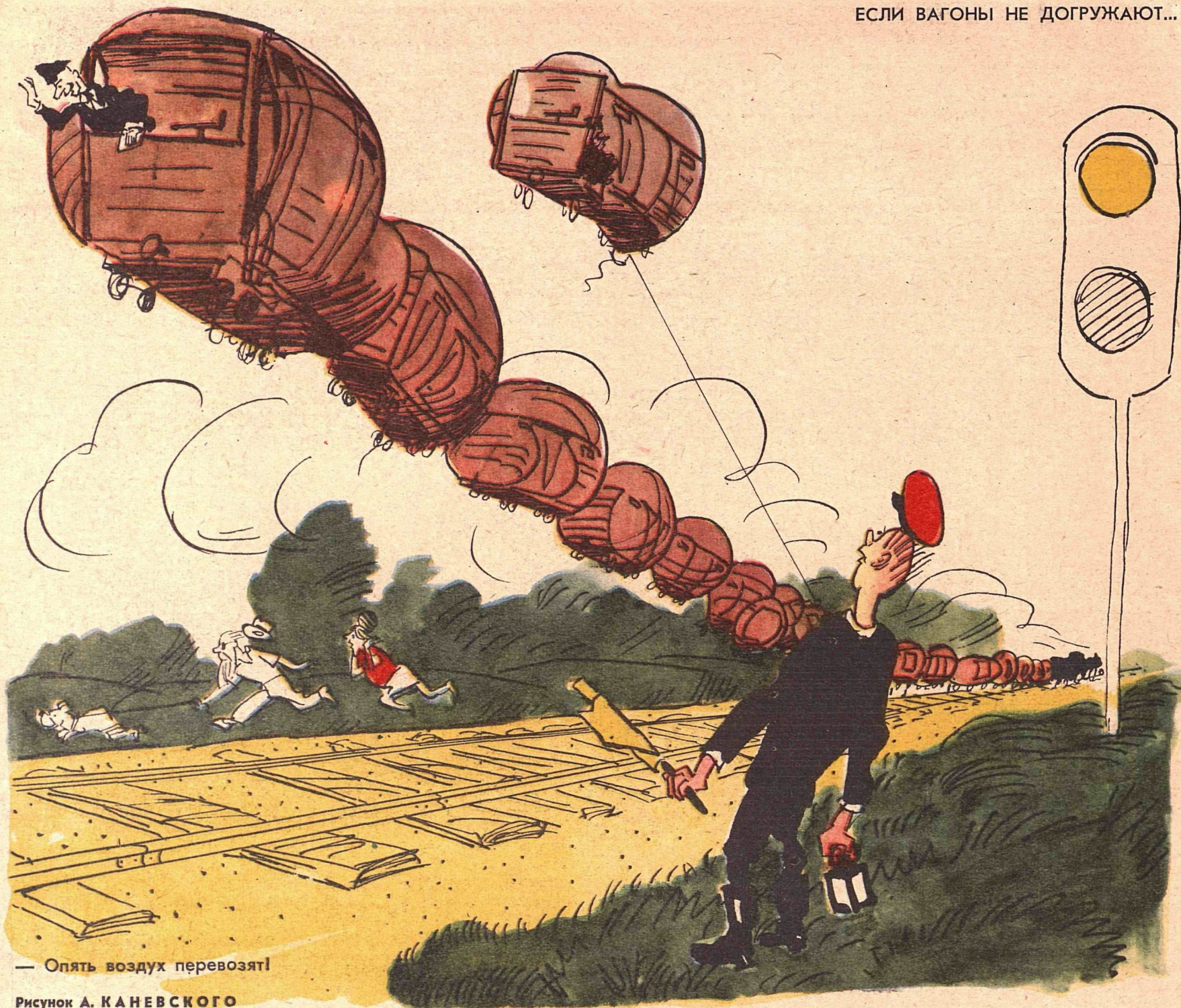
Я сказал, что алхимика нету. Философского камня в мерзлоте не находили. А просто люди стараются откопать и те крохи, которыми другой пренебрег бы, даже наткнувшись на них. Люди дорожат своим прииском, этим местом в тайге, которое давно уже стало для них тем, чему название — родина. Не дают пропасть родному, выстраданному. На одной технологии это не вытянуть.

— Как представителю классической геологии, — сказал недровик и попал ногой в шлепанец, — мне это дико. Золота не должно быть, а оно все-таки есть? Что же, золото извлекается не из песков, а из людей?

Да. В счастливых случаях — да.

А. МОРАЛЕВИЧ,
 специальный корреспондент
 Крондила

Тулунский угольный разрез,
 Иркутская область.

— Опять воздух перевозят!

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

Когда цветет магнолия

Я прямо-таки с благоговением взирал на борьбу человека со слепыми силами природы. Раньше, конечно, нашим предкам приходилось туго. Природа была сильна, а человек со своим слабым интеллектном, унаследованным от обезьяны, ничего не мог с ней поделать. Он, говорят, даже грома боялся — вот до чего доходило дело!

Ну, а сейчас, конечно, человеческий гений победил. Он эту природу так прищучил, что ей, бедной, даже пиннуть невозможно. Реки он приспособил для своих канализационных надобностей, леса в какой-то части извел для изготовления формуляров, а автомобилем понавыпускал столько, что самому стало малость тяжело дышать. Но это только в больших городах. А так-то вообще дышать еще можно.

И вот что я хочу сказать. Мне невыносимо обидно наблюдать, как в иных местах природа еще фордыбачится. Она ведет себя на манер строптивой дамочки, которой вынь да положь, а надо сделать наперекор человеку. И это в какой-то мере подрывает авторитет человеческого гения.

А началось все с того, что в один прекрасный день в редакцию пришло письмо. Возле Туапсе есть санаторий имени 1 Мая. И вот отдыхающие, без малого сороч человек, писали о некоторых теневых сторонах своей жизни. Они сообщали, что природа у них там чудесная: море, солнце, магнолии и все такое прочее. А вот в самом санатории пляж

разгромлен, спортплощадка запущена, прямо под окнами стоят нужники, а на территории установлены здоровенные щиты, призывающие наслаждаться солнцем, воздухом и водой. И что эти мероприятия как-то даже оттеснили все южные красоты на второй план.

Да, и еще чуть не забыл любопытную деталь. Отдыхающие сообщали, что на территории санатория протекают два канализационных ручья. Они впадают в море прямо рядом с пляжем и, по идее, может, должны были даже оживлять пейзаж. Но отдыхающие были недовольны ручьями, потому что при своей сравнительно небольшой величине они издавали такой крепкий аромат, что спастись от него нигде было нельзя.

Ну что вам сказать, дорогие товарищи? Явление это, на мой взгляд, самое обычное: борьба человека с природой и полная капитуляция последней. И о чем тут волноваться? Даже непонятно! Странно, если бы все это выглядело иначе.

Но удивляться волнению отдыхающих тоже не приходится. Дело в том, что этот санаторий — для нервных больных. Здоровый человек на эти факты и внимания бы не обратил. Скорей всего плюнул бы в этот ру-

чей и пошел обедать. А тут нет: написали в Москву. И мне приходится ехать разбирать жалобу.

Приезжаю на место — все так. И нужник стоит под окном, и щиты на месте, и пляж разворочен, как после артиллерийского обстрела. С чего, думаю, он так разворочен?

— Здесь был шторм, — поясняет главный врач Бобылев. — Он-то и привел пляж в такое неприглядное состояние.

Удивился я, но спорить не стал. Потому что ехал я берегом — всюду берега как берега. Очень симпатичные берега, покрытые галькой. Откуда, думаю, шторм мог взять эту проволочку, железобетонные обломки и почему он решил выбросить их именно в этом месте? Чем оно уж так ему понравилось? Нет, думаю, здесь не обошлось без участия человека.

Итак, мы ходим с главным врачом и осматриваем достопримечательности.

А я но всему прочему еще приноживаюсь. И можете себе представить: никакого компрометирующего запаха нет. В чем дело? Не может быть, думаю, чтобы сороч отдыхающих, которые так правдиво и подробно описали прочие детали, наврали в этом вопросе.

— Скажите, — говорю, — дорогой Владимир Васильевич, вот перед нами сточные ручьи. По виду они должны пахнуть. А почему они не пахнут? В чем дело?

Бобылев даже покраснел от огорчения.

— Я, — отвечает, — прямо теряюсь в догадках, почему они не пахнут. Просто ума не приложу...

И, возможно, этот вопрос так и остался бы неразгаданной тайной, если бы Владимир Васильевич не кинул взор окрест себя и не сказал с чувством:

— А все-таки чудесная у нас природа! Одних сосен несколько пород, магнолия вон зацвела...

Я тоже оторвался от созерцания ручья и задрал голову вверх. Боже мой, какие сказочные деревья! Все в зелени, и каждый зеленый цвет имеет свой оттенок. Нет такой палитры, которая смогла бы их повторить! И магнолия стоит вся в белом наряде. И благоухает, как невеста. Тут-то меня осенило.

— Голубчик, — кричу, — Владимир Васильевич! Это же, — говорю, — у вас магнолии расцвели, вот они и забивают весь запах! А за ручьи не беспокойтесь, они как были, так и есть.

И подивились мы еще раз могуществу природы, которая может вот так запросто уничтожить все усилия человека.

А. НИКОЛЬСКИЙ,
специальный корреспондент
Крокодила

г. Туапсе.

ЕСТЬ «АГАТ», НО НЕТ АГАТА

«Алмаз». «Агат». «Бирюза». И так далее. По названиям драгоценных камней и самоцветов окрещены столичные магазины ювелирных изделий. И ни один не называется «Стекло».

А между тем в этих магазинах куда больше стекла, чем бирюзы, агата или аметиста. Груды цветного стекла. Блестящая дешевка, выпущенная миллионными тиражами. Клипсы. Серьги. Ожерелья. Кулоны. Перстни.

— Наши женщины просят натуральную бирюзу, нефрит, яшму, — сетует представительница магазина «Алмаз». — А что мы можем им предложить? Подделку. Не дает нам Ювелирторг натуральных самоцветов.

Оскудели недра нашей страны? Обнищала Медной горы хозяйка? Нет. Она несметно богата. Полны ее сокровищницы. Знай бери, черпай...

Вот и черпал всесоюзный трест «Цветные камни». И дочерпался. Десятки тонн драгоценного сырья у него на складах. Но это сырье не продашь. Кто купит глыбу нефрита или осколок сердолика? Все это нужно обрабатывать, шлифовать, ставить в оправу.

Сетования треста были услышаны. Министерством местной промышленности союзных республик было предложено обрабатывать самоцветы и редкие камни, делать из них сувениры и разные художественные изделия.

Кое-где это указание выполняется. В Алма-Ате, Киеве, Ереване, Черемхове работают цехи сувениров. Но, во-первых, это капля в море. А во-вторых, кроме дешевых сувениров, покупательская масса требует настоящих ювелирных изделий. Далеко не каждому покупателю нравятся фальшивые брошки с керосиновым блеском или клипсы-бижутерия из зеленеющей меди.

В известной песне есть такие слова:

Ой, легка, легка коробушка
Плеч не режет ремешок.
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенок.

У зазнобушки губа была не дура. Бирюзовый перстенок! Кто из наших современных зазнобушек отказался бы сейчас от бирюзового перстеночка? Да ведь нет бирюзы в магазине «Бирюза». Зато навалом эрзац-рубин, кучами фальшивый жемчуг. Но зазнобушка не хочет эрзаца. Она мечтает о наборе из яшмы или малахита, чтобы были в нем серьги, перстень и кулон или брошь. Она с удовольствием приобрела бы для своего вечернего платья строгое, но изящное украшение. Чтобы оно не бросалось в глаза с наглостью фальшивки, а скромно мерцало россыпью ночных огоньков. Новобрачная хотела бы надеть в свой торжественный день тоненькую нитку мелкого жемчуга и колечко с жемчужинкой же. А бедняга жених может преподнести ей только суррогат — глупые, дешевые, величиной с блюдец розетки в уши и вязанку репрезентативных бус на шею.

Другая зазнобушка хотела бы заказать по оригинальному эскизу гарнитур из агата или хризолита (под цвет глаз). Ведь какой интерес носить серьги, как у всех? И даже немолодая мать семейства не откажется надеть в театр что-то свое, непохожее на чужое, скажем, оригинальную брошь, серьги, браслет. Ей не стыдно было бы подарить дочери, невестке, внучке это украшение. И пошла бы из поколения в поколение «память бабушки», красивая, оригинальная вещица, сделанная золотыми руками русского умельца. Но захочет ли мать подарить дочери поделку из цветного стекла в оправе из металла, который идет также на подставки для кастрюль?

Правда, в ювелирных магазинах подчас можно встретить украшения из золота, серебра. Но изящества, оригинальности, неповторимости тут не спрашивай. Они как бы изготовлены при помощи кувалды и прочего инструментария деревенского коваля.

А что же Главювелирпром? Ведь это его святое дело — перерабатывать самоцветы, превращать их в подлинные произведения искусства. Но главк — не странное ли дело? — уклоняется от этого. Почему бы? Почему Главювелирпрому не по вкусу прекрасный зеленый хризолит? Кто виноват в том, что месторождение этого весеннего камня законсервировано? Чем не угодил главку рубиноподобный пироп, спутник благородного алмаза? Почему отвергнуты крошка бирюзы, аметистовые щетки? А дмитровский рисунчатый кремень? Любую квартиру украсили бы пепельница, чаша, ваза из этого материала. А сейчас шустрые строители дробят его в щебенку.

Да, был разговор с начальником Главювелирпрома С. А. Селивановым. Сергей Андреевич не ссылался на трудности, он не городил вокруг себя забора из объективных причин. Но честно и откровенно дал понять, что вполне доволен деятельностью своего хозяйства. План выполняется. Чего же еще желать?

— А как вы относитесь к выставке цветных камней, что была открыта Министерством геологии?

— Ну, выставка!.. Это для нас частный эпизод, — сказал тов. Селиванов. — Никаких побуждающих мыслей она у нас не вызвала.

Зато вызвала у других. У подлинных любителей красивого камня, объединившихся в Московском обществе испытателей природы. Один из таких рыцарей самоцвета, Николай Васильевич Ермаков, принес на выставку предметы, сделанные собственноручно. Они прекрасно дополнили коллекцию художественных вещей, изготовленных в полукустарных мастерских Министерства геологии.

Как-то выставку посетил и представитель Главювелирпрома. Он прошел по залу, ироническим взглядом окинул экспонаты — россыпи сердолика, лазурита, опала, родонита, берилла... и на челе его высоком не отразилось ничего. С равнодушным видом он покинул выставку.

Равнодушие. Вот то чувство, которое питает Главювелирпром к самоцветам. Разве не об этом говорит тот факт, что из 39 предприятий главка только на трех используются самоцветы? Те самые русские самоцветы, равных которым нет на всем земном шаре. Иностранцы дельцы охотятся за ними и отрываю с руками. Это драгоценное сырье они, обработав, продают с колоссальными барышами. А разве мы сами не могли бы вывозить эти сокровища за границу в уже обработанном виде? Или мастеров у нас не стало? Или для валюты не нашлось бы кошелька?

Но так, видимо, спокойнее. Штампуй себе стеклянные бляшки и торгуй. Все равно возьмут. И как не взять, если нет ничего другого.

И тут в душу авторов закралась коварная мысль. А что, если обойти Главювелирпром? Что, если силами министерств торговли и местной промышленности открыть салон-выставку самоцветов, где можно бы не только приобрести понравившуюся вещь, но и заказать по своему вкусу? В таком салоне могли бы совершаться и оптовые сделки с иностранными фирмами на поставку им изделий из русского самоцвета.

Не стыдно ли будет тогда Главювелирпрому?

Л. АЛЕКСАНДРОВА, Г. КРЕСЛАВСКИЙ

Вл. ПАНКОВ

СЛОВО НЕ ВОРОБЕЙ...

Однажды я разошелся. Трудно было остановиться, и я сказал пару колкостей в адрес всеми уважаемого Петра Петровича...

За столом президиума настойчиво задрезали по графину карандашом.

— Мы надеемся, — сказали оттуда, — что вы возьмете свои слова обратно. Было бы очень прискорбно, если бы эта пара колкостей в адрес всеми уважаемого...

— Я не привык бросать слов на ветер! — горячо воскликнул я.

— Слово не воробей, — мягко поправили меня из президиума.

Я малость поломался ради принципа и взял свои слова обратно (подумаешь, пара колкостей!). «Стоит ли из-за какой-то чепухи, из-за каких-то отдельных слов лезть на рожон? — подумал я. — Мне ведь еще целую жизнь говорить и говорить».

Но было поздно. Эти две колкости запомнили и жить спокойно мне уже не дали.

Отныне мне пришлось не столько говорить, сколько брать свои слова обратно.

Мне припомнили отдельные слова из моих предыдущих выступлений. Пришлось и эти слова взять обратно.

Потом мне приписали чье-то чужое выступление на отвлеченную тему. На всякий случай я взял обратно и чужие слова.

— А вы не берете стихи?

— Смотря какие.

— Ранний Евтушенко.

— Беру.

Дело дошло до того, что однажды вспомнили, как я промолчал во время обсуждения проблем сендотремизации. По правде говоря, я до сих пор не знаю, что это такое. Решив не искушать судьбу, я взял обратно и свое молчание.

Так что теперь?

короткие рассказы

Н. САМОХИН

В НАШЕЙ ЛЕСОСТЕПНОЙ ПОЛОСЕ

В тот год засуха была. Все высохло, до последней былинки. Урожай сгорел. Земля трескалась. На два метра в глубину. Вот какая была засуха.

Приехали товарищи. Разобрались. Петрова сняли. Оказалось — не в засухе дело. То есть, конечно, и в ней тоже. Но частично. Главная же причина и основной корень — в Петрове. Он прошляпил. Не тем человеком оказался. В общем, вытурили Петрова, назначили Иванова.

На другой год зарядили дожди. Все залили. Живого места не оставили. В бывшей сухой балке ребятишки карасей ловили. Штанами. Вот какая была сырость! Урожай, конечно, утоп.

Приехали товарищи. Разобрались. Иванова сняли... Сняли Иванова, поставили Кулипанова.

Позапрошлый год лето выдалось умеренное. Когда надо — помочило, когда надо — посушило. Урожай сняли сам-шестнадцать.

Приехали товарищи — оценили по заслугам. Кулипанову медаль дали и увезли его на повышение. Увезли Кулипанова, прислали Задираку.

В прошлом году выпал град. Неимоверный крупности хлестал град — старики другого подобного с крепостного права вспомнить не могли. Плетни посека, мелкий скот поувечил. У председателя ревизионной комиссии крышу над сараем проломило. Самогонный аппарат в сарае стоял, новенький — одни покореженные железки остались... Урожай, понятно, выбило.

Приехали товарищи. Разобрались. Задираку сняли. Оказалось, Задирака градом заслонялся. Маскировал свою бездеятельность. Сняли Задираку, утвердили на его место Ешкина.

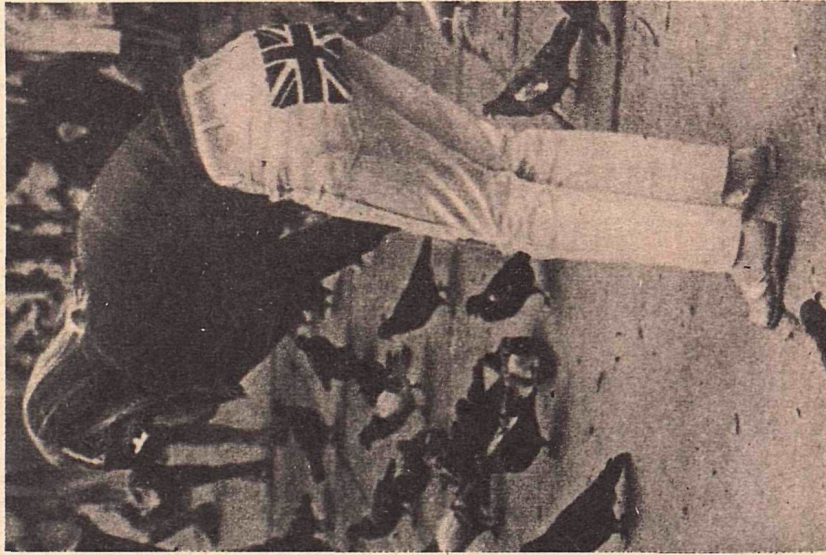
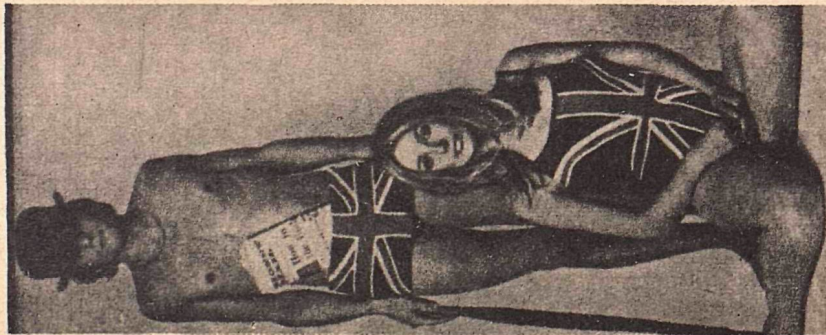
А в нынешнем году все у нас перемешалось. Видать, сбесилась небесная канцелярия. В одном месте заливают, в другом сушит. В одном градом бьет, в другом — кукуруза в полтора роста.

А какое наше положение? Не знаем, кого снимать будут, кого поощрять. Знаем только, что кого-то будут.

У Ешкина волосы уже выпадают. Ему всех труднее. Жалко его, томится он в неизвестности: что-то будет? Хороший человек. Давно у нас такого хозяина не было. С тех самых пор, как Петрова сняли...

г. Новосибирск.

Великобритания

США

ПЕНТАГОН — ДЕТЯМ

Пентагон открыл в Чикаго военную выставку. В числе аттракционов — искусственное рисовое поле, по которому движутся механизированные манекены, изображающие вьетнамских крестьян. Над полем каждые пятнадцать минут поднимается вертолет — не игрушечный, а настоящий — с настоящим, готовым к стрельбе автоматами. Любой посетитель может купить билетик, подняться на вертолете и обстрелять

оттуда движущиеся куклы — «вьетнамских коммунистов». К участию в этой милой забаве привлекают целые школьные классы.

Не исключено, что со временем в Далласе, штат Техас, соорудят аналогичный аттракцион — игрушечную улину с игрушечным открытым лицевым музеем. Над улицей будет настоящее окно с подоконником, на котором положат винтовку с оптическим прицелом. За пять центов каждый школьник сможет узнать, какова подлинная цена американской «демократии».

Фрэнк Харви

ВАШИНГТОН. Здесь состоялась конкурс циников. Ведущие пропагандисты Запада соревновались в устном и печатном бесстыдстве, грубой откровенности, а также в вызывающе презрительном отношении к общепринятым правилам нравственности и благопристойности.

Особо отличился журналист Фрэнк Харви. Он поднялся на помост, размахивая тоненькой брошюрой собственного изготовления «Воздушная война — Вьетнам».

В первый момент жюри не позволило допустить мистера Харви к соревнованиям, поскольку имя его не известно широкой публике.

— Мы вас не знаем, — сказали ему члены жюри.

— Ничего, сейчас узнаете, — отпарировал мистер Харви и, откашлявшись, принялся с завыванием зачитывать наиболее смачные кусочки из брошюры.

«Как удачно получилось, что наши молодые летчики имеют возможность получить свое первое боевое крещение над равнинной страной. Наши парни приучаются сбрасывать на деревья свои контейнеры с напалмом и наблюдать, как жилища вспыхивают оранжевыми пламенем. Летчик привывает строчить из пулемета по людям; он срезает их так, как будто это учебная стрельба по набитым опилками манекенам. Ему безразличны эти кажущиеся с самолета малосенькими фигурки, бегущие к укрытиям. Здесь его боевая шпала окрашивается кровью в преддверии будничного, более серьезных битв... Напалм явно пользуется наи-

рвется к лаврам

большей популярностью у большинства американцев, с которыми я разговаривал. Однако недурны и шариковые бомбы, с помощью которых летчик убивает все живое на весьма значительных пространствах...»

«Но прежде говоря, многие наши ребята получают удовольствие от того, что стреляют и убивают. Ходят всякие теории о том, что американцы, дескать, неважные убийцы. ЧЕПУХА! АМЕРИКАНЦЫ ТАК ЖЕ ЛЮБЯТ УБИВАТЬ, КАК И ДРУГИЕ ТОЛЬКО ОНИ ЭТО ДЕЛАЮТ ЛУЧШЕ МНОГИХ ИНЫХ».

Забыв о древней традиции, требующей от судей олимпийского спорта, бешено зааплодировало.

Засовывая свою брошюру в карман, польщенный мистер Харви заявил:

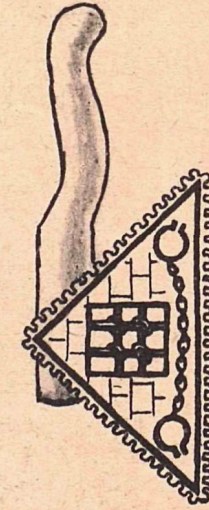
— А вы знаете, что обо мне написали коммунистические газеты «Канаден трибюн» и «Морнинг стар»? Они расценили мою книжечку как самую отвратительную человеконенавистническую писанину, когда-либо сохранившуюся с типографской машиной. Прошу учесть при распределении мест!

«ДРУГ НАРОДА»

Недавно негритянское население города Мемфиса (США) пожелало встретиться с отцами города — поговорить о том о сем. Но «отцам» все как-то не удаётся выкроить время для бесед с неграми. Поэтому городские власти выслали на переговоры посредника.

Не правда ли, какой симпатичный этот представитель властей — политический? Вот сейчас он встретится с народом и с готовностью обсудит все вопросы, поговорит о житейском, почувствует и даже поможет... бесплатным жильем. На редкость привлекательное лицо у представителя Америки, когда она выходит на рандеву с простыми людьми!

МАДРИД. Почтовое ведомство генерала Франко выпустило специальную почтовую марку, посвященную Международному году прав человека. На марке крупными буквами напечатано слово «Гуманность».

Многие испанцы вряд ли сумеют оценить очередное проявление «гуманности» франкистского режима, поскольку они находятся в заточении без права переписки.

ВНИМАНИЮ ФИЛАТЕЛИСТОВ

Испания

Если посмотреть на левой снимок, то может показаться, что английская молодежь ударилась в ура-патриотизм. Если же посмотреть на правый снимок, то этого уже не кажется.

Разносторонний патриотизм

Тридцатичетырехлетний тикагский модельер Уолтер Холмс блестяще справился с поставленной задачей. Поняв, что су-

ДА ПОМОЖЕТ М БОГ!

ВСЁ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ...

Что будет на земле после «страшного суда» — вот вопрос. Вернее, был такой вопрос. А теперь, слава богу, есть ответ. В Риме вышел солидный фоліант на 590 страницах, написанный известным Луиджи Майоччо, настоятелем одной туринской духовной семинарии.

Уверенно топайте на тот свет, ребята, призывает отец Майоччо. После «страшного суда» все покойники обретут тот вид, который у них был при жизни, с той только разницей, что все будут молодыми и красивыми (вниманіе, женщины!), а если у кого и были какие-нибудь физические недостатки (кривобокость, гнилые зубы, лысины и т. п.), то в раю им обязательно заменят эти бракованные детали.

Лицам, страдающим тяжелыми недугами, автор прямо советует не тратить деньги на лечение, не портить себе нервы всякими процедурами и лекарствами, а спокойно умирать и затем терпеливо дожидаться «страшного суда», после которого все придет в норму.

«Многие верующие», — говорится в книге, — беспокоятся, как в раю поставлено дело с питанием. Гурманы могут не волноваться: их ждет обильная еда и питье». Спортсмены тоже не соскучатся: «В раю предусмотрены спортивные и всевозможные иные игры». Ученые ждут увлекательные симпозиумы и конференции: высококвалифицированные ангелы будут посвящать их в тайны вселенной и новейшие божественно-космические научные теории.

Отвечая на вопросы корреспондентов, Луиджи Майоччо заявил: «Я считаю устаревшим пугать людей адом. В наш просвещенный век это уже не годится. Гораздо разумнее деловито описать те блага, которые нам предстоит вкусить в царстве небесном».

Ну жели, прочтя книгу Луиджи Майоччо, какой-нибудь итальянец дерзнет потребовать от правительства увеличения заработной платы, улучшения жилищных условий и тому подобным мимолетных и переходящих земных благ? Ведь не так трудно дожидаться «страшного суда», после которого, как уверяет Луиджи Майоччо, все получат всё!

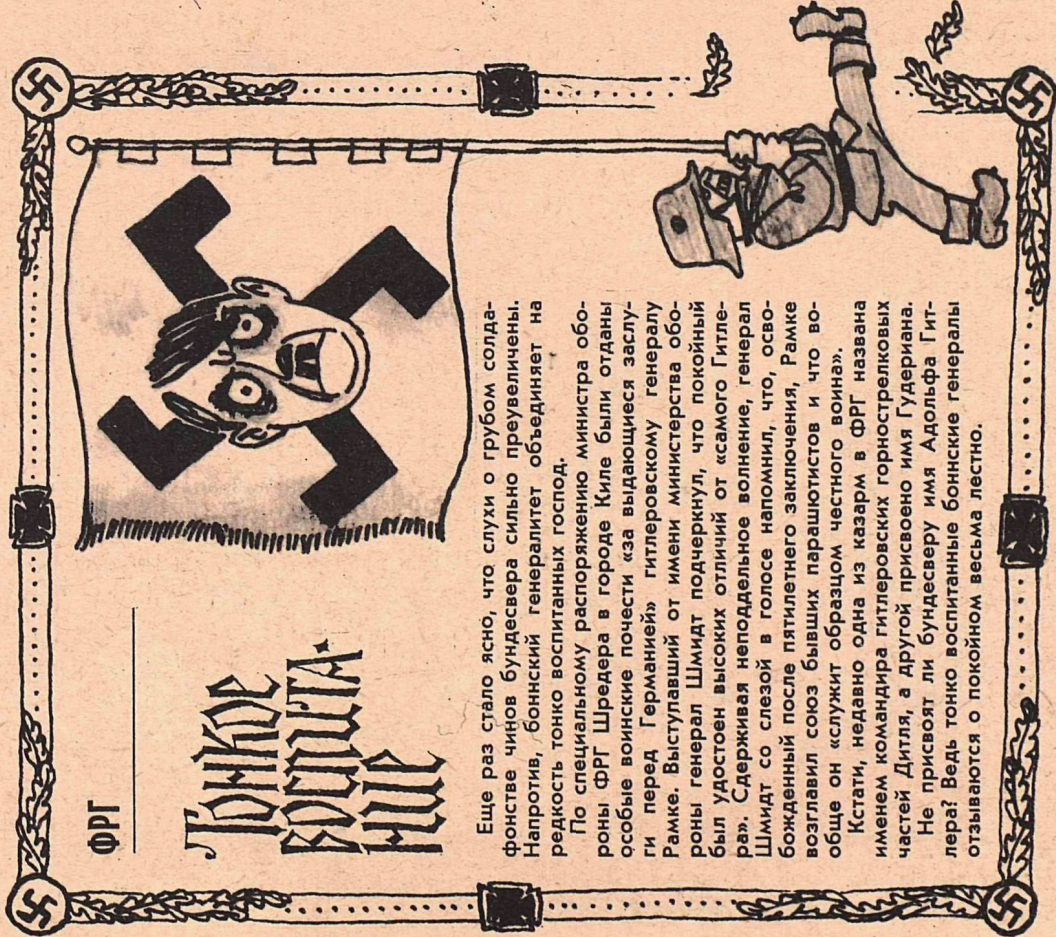
ФРГ

ТОЖДЕ ВОЛНА

Еще раз стало ясно, что слухи о грубом солдафонстве чинов бундесвера сильно преувеличены. Напротив, боннский генералитет объединяет на редкость тонко воспитанных господ.

По специальному распоряжению министра обороны ФРГ Шредера в городе Киле были отданы особые воинские почести «за выдающиеся заслуги перед Германией» гитлеровскому генералу Рамке. Выступавший от имени министерства обороны генерал Шмидт подчеркнул, что покойный был удостоен высоких отличий от «самого Гитлера». Сдерживая неподдельное волнение, генерал Шмидт со слезой в голосе напомнил, что, освобожденный после пятилетнего заключения, Рамке возглавил союз бывших парашютистов и что вообще он «служит образцом честного воина».

Кстати, недавно одна из казарм в ФРГ названа именем командира гитлеровских горнострелковых частей Дитля, а другой присвоено имя Гудермана. Не присвоят ли бундесверу имя Адольфа Гитлера? Ведь тонко воспитанные боннские генералы отзываются о покойном весьма лестно.

США

МАЛЕНЬКАЯ СУЗИ ПРОТИВ МИСТЕРА ДЭЙЛИ

Всякому, кто взглянет в лицо мэра Чикаго м-ра Дэйли (см. фото), сразу станет ясно, что настроение у мэра неважное.

Между тем еще совсем недавно он был, что называется, в зените славы. Слава пришла к м-ру Дэйли в дни волнения негров, когда мэр Чикаго оставался твердым, как грецкий орех. Он отдал распоряжение городской полиции впредь «убивать поджигателей на месте и стрелять в грабителей, чтобы этим единственным способом поддерживать закон и порядок».

Разумеется, ликование полицейских не было предела: с такими помощниками от самого босса любого убитого и изувеченного негра можно объявить грабителем и поджигателем.

Все шло, как по сливочному маслу, и наверняка шло бы так и дальше, если бы не глупые школьники из негритянского гетто Чикаго (и чему их там только учат!). Их учителя, по чьему-то не посоветовавшись с отцом города, задали своим питомцам сочинение на тему «Что случилось в нашем квартале во время недавних беспорядков». И дети бесхитростно описали все, как было. Вот строки из школьных сочинений, попавшие на страницы американских газет.

Маленькая Сузи: «И тут подъехали полицейские. Они выпрыгнули из своей машины, влезли в разбитую витрину, вынесли из магазина много разных вещей и умчались на той же машине».

С маленькой Сузи почти дословно перекликается ее сверстники. Может, по части орфографии или стиля к ним и можно придраться, но зато по части фактов не подкапаешься.

«Полицейский указал мне на магазин, — пишет один из них, — и приказал, чтобы я принес ему оттуда виски».

«Я видел, как полицейский вышел из одного разбитого магазина с двумя красивыми золотисто-белыми настольными лампами. Он уложил их в багажник своей машины и уехал», — сообщает другой.

Строчки из ребячьих тетрадей немалюпко свидетельствуют, что взрослому дядя, мэр города Чикаго, мягко говоря, сел в лужу. Даже страшно себе представить, что бы было, если б полицейские выполнили да им указание буквально. Ведь тогда им пришлось бы перестрелять самих себя, поддерживая порядок в старом Чикаго...

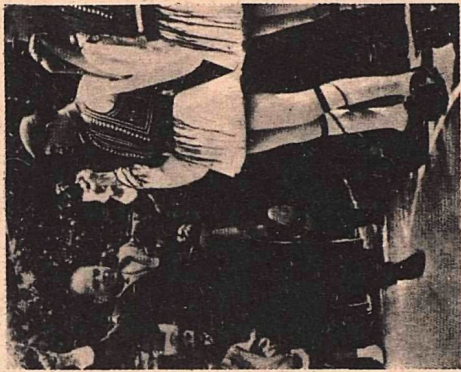
Конечно, м-р Дэйли мог бы объявить школьные сочинения «заговором красных». Но кто этому поверит, коль всем известно, что устами младенцев глаголет истина!

Греция

Лекарь-плясун

Один из лидеров греческой хунты, Пападопулос, заявил, что Греция «не может самостоятельно двигаться». Зато движения самого господина Пападопулоса ничем не скованы: он, как видите, даже пляшет перед солдатами, демонстрируя «демократический дух».

Это что — фокстрот или твист? Пляшет — дробью по полу... Скачет сам премьер-министр, Скачет Пападопулос.

Ахнул, охнул, Гикнул, грохнул, Притянул ядло и поперек... Топнул, хлопнул, Пападопунул, Рот разинул И изрек:

— Что-то греков лихорадит, Наша Греция больна. И ее здоровья ради Помощь лекаря нужна.

Нюх кисти... Колет бок... Нужен греции лубок. Сам займусь я греками, Им не быть калеками!

Курс лечения так наладим, Чтоб крепчали с каждым днем: Стихнут — мы лубок ослабим, Крикнут — ту же завернем.

Лекарь не учел момента, — Не подлибли б самого: Слишком многих «пациентов» Лихорадит от него.

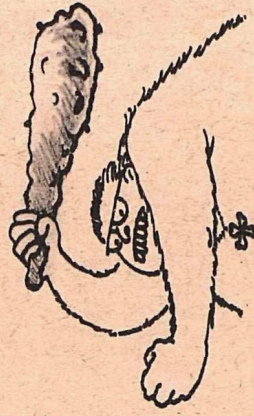
А они, хоть и «больные», Осерчав, его так хлопнут, Что у плясуна штаны На виду у всей страны Вдрызг пападопулону.

ЮАР

УГРОЗЫ НАТОЩАК

Известно, что лучший способ преодолеть страх, находясь в темноте, — это громко свистеть. Очень помогает также громогласное самохвальство. Крики типа «Я самый сильный!», «Я самый мускулистый и беспощадный!» приятно взбадривают орущего. Последним приемом воспользовался недавно глава расистского южноафриканского правительства Форстер. Он хвастливо заявил: «Нам ничего не стоит разбить вдребезги любое цветное африканское государство. Мы могли бы это сделать шутя, еще до завтрака, так сказать, натошак».

Правда, после таких тирад следует подвязывать челюсть, чтобы не очень громко стучали зубы...

ФРГ

ФИШ В МУТНОЙ ВОДЕ

Западногерманская кинофирма «Бертельсманн» выпускает на экраны короткометражный 12-минутный «культурно-познавательный» фильм под заголовком «Филиш», что расшифровывается «Франц что расшифровывается». Назначение фильма — сделать рекламу этому фильму западногерманского реваншизма, бывшему министру обороны и нынешнему министру финансов. ФИШ показан в интимной домашней обстановке, ФИШ играет в кегли, ФИШ крутит педали велосипеда, ФИШ — садовод. Словом, этакий добродушный пскарь-обыватель.

Хотелось бы надеяться на скорое появление второй серии: «ФИШ-актуал». В ней должно быть показано, как ФИШ шныряет в мутных водах боннской политики в поисках атомной бомбы. Тогда можно будет говорить о реалистическом направлении в боннской документальной кинематографии.

ХОЛОДИЛЬНАЯ ГОРЯЧКА

(Лирико-драматические записки)

1

Ура! Живу в квартире новой!
На верхнем этаже она.
Вдали синее бор сосновый,
Вокруг покой и тишина.
О тишине мечтаю с детства,
Я в центре жил еще вчера,—
И вот свершилась наконец-то,
Сбылась мечта моя! Ура!
Одно ужасно без привычки:
Все магазины в стороне.
Тащиться к черту на кулички
Теперь приходится жене.

2

Ура! Жена сегодня дома,
Проблема решена уже:
Открылись двери гастронома
У нас на первом этаже!
Но жизни нет от магазина:
Там холодильник пущен в ход,
А холодильная машина
Нам только жару поддает.
Из-за того, что три прокладки
Забыли сделать сгоряча,
Трясется дом, как в лихорадке,
Танцуют трубы «ча-ча-ча».
Повсюду в доме слышен скрежет,
Какой-то визг, какой-то гул,
Как будто бы кого-то режут...
Кошмар! Спасите! Караул!

3

Ура! Конец проклятой тряске!
Проблема шума решена.
Все утряслось. Живу, как в сказке.
Вокруг покой и тишина.
Хотите в этом убедиться?
Прошу ко мне зайти с утра.
Меня легко найти в больнице —
Палата номер шесть. Ура!

— Извините, пожалуйста, но с некоторых пор мне кажется, будто моего мальчика подменили!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Расстановка злых сил была такова:

- а) Центросоюз, г. Москва;
- б) облпотребсоюз, г. Владимир;
- в) райпотребсоюз, г. Судогда;
- г) сельпо, с. Мошок;
- д) журнал «Крокодил», Москва, Бумажный пр., 14.

В результате совместных и согласованных действий всех этих почтенных и уважаемых организаций, ведомств и учреждений жительница села Мошок, Судогодского района, Владимирской области, Анна Ивановна Вагина понесла моральный да и материальный урон.

Настоящим журнал «Крокодил» намерен взять на себя львиную долю моральной части нанесенного ущерба. Но сначала поговорим о грибах.

Грибы — это стихийный дар природы. Их не надо сеять, и, следовательно, отпадает необходимость переводить трудоемкий процесс в грядки мягкой пахоты. Колхозы грибами не занимаются, и, следовательно, отпадает необходимость в уполномоченных из райучреждений по заготовке маслят.

В селе Мошок грибы вообще собирают в основном пионеры и школьники. И сдают их грибоварам. Например, ученица первого класса Костомарова Г. Ф. в прошлом году насобирала и сдала 400 килограммов грибов, а ученица восьмого класса Комарова Н. Н. — 2 850 килограммов хороших и разных грибов. А всего мошюкские мальчики и девочки собрали 140 тонн даровой лесной продукции.

В целях поощрения грибособирания Центросоюз объявил по своей системе всесоюзный конкурс и дал средства для премирования. Основному звену этой системы, то есть непосредственным собирателям, назначено... Впрочем, назначено так мало, что мы даже не будем об этом говорить. Другому основному звену — грибоварам — определено 200 премий по 50 рублей; тем, что наварят не менее пятнадцати тонн. Остальные 60 премий на сумму 40 250 рублей предназначены для поощрения руководителей районного, областного и республиканского масштабов системы Центросоюза.

Короче говоря, Центросоюз сделал все для того, чтобы кооперативные руководители на местах не чинили препятствий основным звеньям заготовки грибов. Правда, почему-то оказался обойденным журнал «Крокодил», который, как известно, никогда не учинял препятствий сбору грибов. Можно было бы и ему подкинуть тыщонку-другую для премирования особо далеких от грибов крокодилцев.

Но дело не в этом. Пионеры и школьники, домохозяйки и материально заинтересованные труженики Мошюкского сельпо насобирали, а грибовары наварили около 500 тонн грибов. За успехи в деле грибозаготовок председателя правления облпотребсоюза и его заместителя по заготовкам премировали на всю катушку — месячным окладом, а председателя Судогодского райпотребсоюза — целой сотней рублей.

Очень хорошо! На здоровье!

Но вот что мешает сну в нынешнюю летнюю ночь. Грибовар Мошюкского сельпо Анна Ивановна Вагина при плане 19 тонн заготовила 58 тонн грибов — рекорд почти на всю Владимирскую область. Анну Ивановну знают даже в Центросоюзе. К ней приезжают за опытом из разных областей страны. О ней писали газеты. Анне Ивановне уже немало лет, она четверть века в партии, работает Вагина — дай бог каждому в ее годы.

И вот встал вопрос о премировании грибоваров района и области. Сначала все было просто: грибовары, заготовившие пятнадцать и более тонн, подлежали премированию в размере 50 рублей. Так что со своими десятками тонн грибов Анна Ивановна могла не волноваться. Но тут неожиданно Центросоюз получил большой стэнд на ВДНХ. И не только стэнд, но и две медали, а также две соответствующие денежные премии для лучших грибоваров системы Центросоюза. Лучшим грибоваром всей системы оказалась, естественно, тов. Вагина.

Однако к выставке со всеми вытекающими из нее приятными последствиями Анна Ивановна допущена не была.

И виноват во всем этом журнал «Крокодил». Он совершил непоправимую ошибку. Весной прошлого года А. Вагина прислала в редакцию письмо-жалобу на сельповское руководство, которое недоплатило грибоварам за их работу. «Крокодил» направил эту жалобу во Владимирский облпотребсоюз. Там во всем разобрались, и справедливость была восстановлена — доплатили грибоварам. Доплатили и положили камешек за пазуху. Камешек этот предназначался для лучшего грибовара области тов. Вагиной А. И., которая, как заметил недавно один из работников облпотребсоюза, любит жаловаться.

Короче говоря, не будет в следующий раз жаловаться. То обстоятельство, что именно благодаря ее успехам все грибное руководство получило презент, мало кого заинтересовало. Оно заинтересовало только грибоваров села Мошок, протест которых на этот счет остался без сколь-нибудь заметных последствий...

Журнал «Крокодил» сожалеет о том, что потревожил Владимирский облпотребсоюз просьбой разобраться с жалобой, и желает в нынешнем заготовочном году Анне Ивановне Вагиной еще большего трудового успеха, чем в минувшем.

Назло:

- а) Центросоюзу, г. Москва;
 - б) облпотребсоюзу, г. Владимир;
 - в) райпотребсоюзу, г. Судогда;
 - г) сельпо, с. Мошок;
 - д) журналу «Крокодил», Москва, Бумажный пр., 14.
- И другим соискателям грибных премий...

Вит. РЕЗНИКОВ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС

Когда-то мы жили в горах. Наши горы косматыми псами лежали у ног. Они стали ручными, таская на себе беспокойную поклажу наших жилищ, наших войн, наших песен. Наши костры опалили им шерсть.

Когда-то мы жили в горах. Серебристые облака овечьих отар покрывали цветущие склоны. Ручьи, такие белые и чистые, как нож и ярость, жадно падали на гладкие камни. Солнце плавилось на наших спинах, а в теплых зарослях блуждали тени, подстерегая простодушных.

Когда-то мы жили в горах. Теперь мы живем в кооперативных квартирах.

Вчера мне позвонил мой дядя Арменак:

— Мой дом — твой дом, мой плов — твой плов, приходи ко мне на день рождения. Не придешь — прокляну и ударю.

К восьми часам все были в сборе.

— Три года тебя не видел, — сказал мне дядя Арменак, — прямо соскучился.

— Семь лет тебя не видел, — сказал дядя Хорен, — ужасно соскучился.

— Никогда в жизни тебя не видел, — сказал дядя Ашот, — безумно соскучился.

После этого все зарыдали, а я пошел на кухню, чтобы поздороваться с тетуськой Сирануш.

Десять лет назад дядя Арменак похитил ее из дома старого Беглара. Вот как было дело.

Мой дядя подъехал к дому старика на рыжем скакуне, спешился, привязал его к забору и поднялся на крыльцо. Был звонкий полдень. Беглар, тихо напевая, пускал на веранде мыльные пузыри. Увидев моего дядю, он спросил:

— Уж не надумал ли ты похитить мою единственную дочь?

— Есть маленько, — ответил дядя Арменак.

— Ты шакал, поедаящий прах своего школьного учителя, — укоризненно сказал Беглар.

— Но мы любим друг друга, — потупился дядя.

— Это меняет дело, — сказал старик.

Он хлопнул в ладоши, и на пороге появилась Сирануш Бегларовна Терматеузова, высокая, стройная, похожая одновременно на козлю и на рысь, на хищницу и на жертву, на всадника и на его коня. Она подняла голову, и в природе тотчас воцарилось ненастье глаз ее и губ, хлынул ливень ее волос, а яркое солнце при ее появлении спряталось в зарослях герани.

— Будьте счастливы, —

сказал Беглар, — поезжайте с миром! Погоню вышло минут через сорок. Мои сыновья вернутся из бани, узнают, что ты похитил их любимую сестру, и захотят тебя убить.

— Уж это как водится, — сказал дядя Арменак.

Ввиду того, что скакун к этому времени окошел, он посадил невесту на раму

**С. Довлатов
(Ленинград)**

велосипеда и сказал, обращаясь к Беглару:

— Проследи, отец, чтобы погоня выглядела прилично. Пусть наденут чистые рубашки. А то я знаю твоих сыновей: как бы не пришлось краснеть перед людьми.

— Поезжай и не беспокойся, — сказал старик.

— Мы будем ждать их в чебуречной на горе.

Арменак и Сирануш понесли по дороге, пропадая в облаке пыли.

Через час молодые сидели в горькой духоте чебуречной.

А еще через несколько минут распахнулись двери, и в чебуречную ворвались братья Терматеузовы.

На них были шелковые бобочки и черные суконные костюмы. Косматые папахи дымились на их горячих головах, а когда братья оглядывали помещение, от их негодующих взоров на обоях оставались подпалины.

— Собака! — крикнул старший, Арам. — Ты украл нашу единственную сестру, ты умрешь. Кто там поближе, убейте его!

— Ах, черт! — сказал младший, Варткес. — Я, кажется, забыл наше ружье в багажнике такси.

— К счастью, я записал номер машины, — заметил средний, Гиго.

— Но ведь мы любим друг друга! — воскликнула Сирануш.

— Ах, вот как! — сказал Арам. — Это меняет дело.

— С тебя причитается, Арменак, — добавил легкомысленный Варткес.

В этот момент появился духанщик Зорян. Он поставил на стол три кувшина.

С тех пор дядя Арменак и тетуська Сирануш не разлучались.

Я поздоровался с тетуськой Сирануш и спросил, как она поживает.

— Ой, хвораю, — сказала Сирануш Бегларовна, — все болит у меня. Думаю в поликлинику заглянуть.

— Ты загляни в собственный паспорт, — сказал грубиян Арменак, — там все сказано.

Между тем все уселись за стол. В центре мерцало

хоккейное поле студня; ветчина цвела чайной розой; замысловатый орнамент салата опровергал геометрическую простоту сыров и масел; наплавостания колбас наводили на мысль об их кровавой предыстории, а латунные и стальные доспехи селедок тускло отражали свет импортных немецких бра.

дым. Два милиционера вели моего дядю под руки.

— Мы, армяне, должны держаться поближе друг к другу! — воскликнул он, заметив меня в толпе, и шагнул в мою сторону.

Но милиционеры крепко держали его. Они вели его туда, где стоял автомобиль с красной полосой на борту. Дверца захлопнулась. Ма-

— Ты испортишь паркет, — возразила тетуська Сирануш.

— У меня есть кусочек кровельного железа, — сказал дядя Хорен.

— Неси его сюда, — сказал Арменак, доставая спички из кармана...

Когда-то мы жили в горах. Наши горы бродили табунами. Мы приучили их к

КОГДА-ТО МЫ ЖИЛИ В ГОРАХ

Дядя Хорен поднял бокал, и все затихли.

— Я рад, что мы вместе, — сказал он. — Нам, армянам, нужно держаться поближе друг к другу. Все народы равны в этом мире, но мы, армяне, особый народ, и если мы будем держаться сообща, все будут уважать нас. Так выпьем же за нашу родину, за наши горы!

Тем временем за столом стало шумно. Все говорили одновременно на разных языках. Красные пятна покрывали скатерть, как географическую карту. В дрожащих руинах студня белели окурки. Оползти грязных тарелок грозно теснились повсюду.

Дядя Ашот поднял бокал и воскликнул:

— Давайте выпьем за нашего отца! Вы помните, какой это был замечательный человек? Помните, как он бил нас поленом?

— Помним! Помним! — закричали братья.

Все выпили за отца.

Дядя Ашот вдруг дурно закричал, хлопнул себя по животу и лягнул ногой полированный сервант. Начались танцы.

Дядя Арменак повернул ко мне разгоряченное лицо и произнес:

— Я знал, что водки не хватит. Сходи, ты самый молодой.

— Ладно. А далеко это?

— Два квартала. Туда метров триста и обратно примерно столько же.

Я спустился по лестнице, оставляя за спиной раскаты хорового пения и танцевальный топот. Ощущение было такое, как будто сто человек одновременно примеряют галюши.

Проклиная бесконечные кварталы нового района, я миновал однообразные серые дома и оказался в просторном гастрономе. У прилавка толпился народ.

— Мне бы только маленькую, — сказал я.

— И мы не за ирисками стоим...

Когда я вернулся, к дому моего дяди съезжались пожарные машины. На балконах стояли любопытные. Из окна четвертого этажа валил

шина скрылась за поворотом. А я повернулся и пошел прочь, стараясь ни о чем не думать, потому что жизнь — это как раз то, что происходит с нами в то время, как мы строим планы, принимаем решения и произносим громкие слова.

Потом я узнал, что через несколько минут после моего ухода в магазин дядя Арменак предложил развести костер и приготовить шашлык.

поклаже и ярму. Мы не забыли их, но очень часто нашей любви хватает только на песни.

Когда-то мы скакали верхом, а теперь плещемся в троллейбусных заводях и нас клонит ко сну.

Мы променяли наши горы на крутые склоны новостроек.

Мы обижаем жен и разводим костры на паркете. **НО КОГДА-ТО МЫ ЖИЛИ В ГОРАХ.**

Рисунок Ю. Пухальского
(Польша)

— Когда придет комиссия, ты ведь подтвердишь, дорогая, что я совсем не груб с подчиненными?..

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС

Убейуткин долгие годы был директором «Булгарболта». Это был здоровенный мужчина, созданный скорее для карьеры тяжелоатлета. Он очень любил кричать и наносить удары. Конечно, не по своим подчиненным, а по столу.

Атмосфера в конторе была до того наэлектризована, что транзистор машинистки Маи Коцевой работал без батарейки.

Большим грубияном был этот Убейуткин, и слабохарактерные служащие «Булгарболта» часто видели его во сне в униформе укротителя зверей и со свистящим бичом в руках.

Однажды в «Булгарболт» привезли новые столы. Они были нежно-желтого цвета, с тонкими ножками и походили на молоденьких стыдливых девушек. Ими заменили старые, ободранные столы-ветераны, и сразу же в учреждении создалась какая-то особенная атмосфера. Дело дошло до того, что счетовод Дичева влю-

билась в старого эксперта-бухгалтера Миразчийского, вахтер дядя Ничо начал приходить на работу в белой рубашке с черным галстуком, а у повара в столовой «Булгарболта» впервые за многие годы не пригорела картофельная запеканка с мясом.

Чавдар Шинов (Болгария)

И тогда Убейуткин сломал ножки у первого стола. День был солнечный, невинно синело небо, вообще, казалось, весь мир погрузился в безмятежный покой. Но у Убейуткина эти номера не проходили. Он вошел в отдел переписки с периферией и грозно спросил начальника отдела, до каких пор связь с периферией будет из рук вон плоха и вообще как он думает работать дальше.

Начальник отдела попытался объяснить, как он ду-

мает работать дальше, но Убейуткин уже ударил кулаком по новому столу. Послышался треск, напоминающий хруст разгрызаемой вафли, и стол навалился на бухгалтера Попзлатеву.

Убейуткин принялся рассматривать свой кулак, как

будто увидел его впервые. В комнате стало тихо, через открытое окно было слышно, как воробей объясняется в любви воробьюхе. Стол слегка придавил Попзлатеву, но не это возмутило ее. По лицу бухгалтерши было ясно видно, что на ее чулках спустились петли, а ведь в мире нет женщины, которая могла бы остаться равнодушной к такому событию. И, сама не зная, как и почему, Попзлатева вдруг произнесла ясно и отчетливо:

— Дурак!

Убейуткин вздрогнул, и его щеки медленно покраснели. Его крупное тело тяжелоатлета угрожающе наклонилось к Попзлатевой. Весь отдел затаил дыхание в ожидании нарушения уголовного кодекса. Более слабохарактерные даже за-

чем мне профсоюз, который не может меня защитить?

Председатель привстал, не зная почему.

— Да, да,— продолжала Попзлатева.— Что мы, стадо какое-нибудь? Почему этот грубиян делает с нами все, что ему в голову взбредет?

У Б Е Й У Т К И Н

крыли глаза. А рот Попзлатевой опять открылся, и она повторила:

— Дурак!

Убейуткин недоуменно озирался. Потом он резко повернулся и вышел, не сказав ни слова. Вышел в коридор и начал расхаживать там. А так как в коридорах «Булгарболта» всегда темно, было ясно видно, что Убейуткин раскалился, как спираль электрической плитки...

Вахтер Ничо вынес сломанный стол на задний двор. Он долго рассматривал стол сквозь очки, потрогал его дрожащей рукой, будто погладил девушку. Потом выпрямился, и очки его блеснули.

— Такого надо метлой...

Затем он подошел к Попзлатевой и повторил: — Палкой от метлы!

Попзлатева героически улыбнулась, хотя ее одолевали не особенно радостные мысли.

— И еще чулки мне порвал! Если ты начальник, то это еще не значит, что чулки можно рвать!

Вскоре после этой истории Убейуткин сломал ножки еще у одного стола.

Над «Булгарболтом» нависла полная тягостных предчувствий тишина. Два сломанных стола лежали на заднем дворе рядом с грудой ящиков для фруктов и овощей из соседнего магазина.

Однажды Попзлатева взглянула к председателю профкомитета и спросила его, председатель он или нет. Председатель тихо сказал, что да, председатель. Он вообще был тихим, кротким человеком. У него была дача, на которой он откармливал поросенка, а недавно поросенок что-то заболел, перестал прибавлять в весе, и это приводило председателя в уныние.

— Тогда я выхожу из членов профсоюза,— сказала Попзлатева и показала ему дырку на чулке. Она постоянно ходила на работу в этом чулке и постоянно приподнимала юбку, показывая дыру, и чем-то напоминала Жанну Д'Арк.— За-

Председатель профкома неожиданно согласился. Убейуткин стучал кулаком и по его столу, а это было очень неприятно. Во-первых, потому, что нельзя так бить по авторитету профсоюзов, и, во-вторых, потому, что у председателя профкома было высокое кровяное давление. И профпредседатель снял телефонную трубку и сообщил о случившемся в вышестоящую инстанцию. Свыше сообщили, что примут меры.

Вскоре после этого телефонного разговора Убейуткин как-то сник, и шофер «Булгарболта» даже перестал открывать дверцу служебной «Волги», в которой директор приезжал на работу.

В то же время свинья, которую профпредседатель откармливал на даче, почувствовала себя лучше и начала резко прибавлять в весе. Это радостное событие пробудило неожиданные импульсы в обычно кротком председателе, и он пошел в кабинет Убейуткина, чтобы поговорить с ним о кадрах и об отношении к ним.

Убейуткин мрачно выслушал председателя и сказал, что, по его мнению, «Булгарболт» полон бездельников, лентяев и вообще людей, которых надо держать в ежовых рукавицах. И он попросил председателя выйти из кабинета, так как у него назначена важная встреча. Это страшно обидело председателя, и он, сам не понимая, что делает, стукнул кулаком по столу Убейуткина. Стукнул и тут же съезжился, ожидая ответного удара. Но его не последовало.

И вот однажды Убейуткина сняли. День был такой же, как и обычно, только более солнечный.

И затерялся Убейуткин. Говорят, стал тяжелоатлетом и принес много славы родному спорту.

Вот и вся история. Кое-кому она может показаться невероятной, но это в конце концов его дело.

Перевод Л. ХОМУТОВОЙ

— Кого же мы, дед, еще ждем?
— Студентов из города.

Рисунок 3. Лаврентьева (г. Йошкар-Ола)

„Улыбка-68“

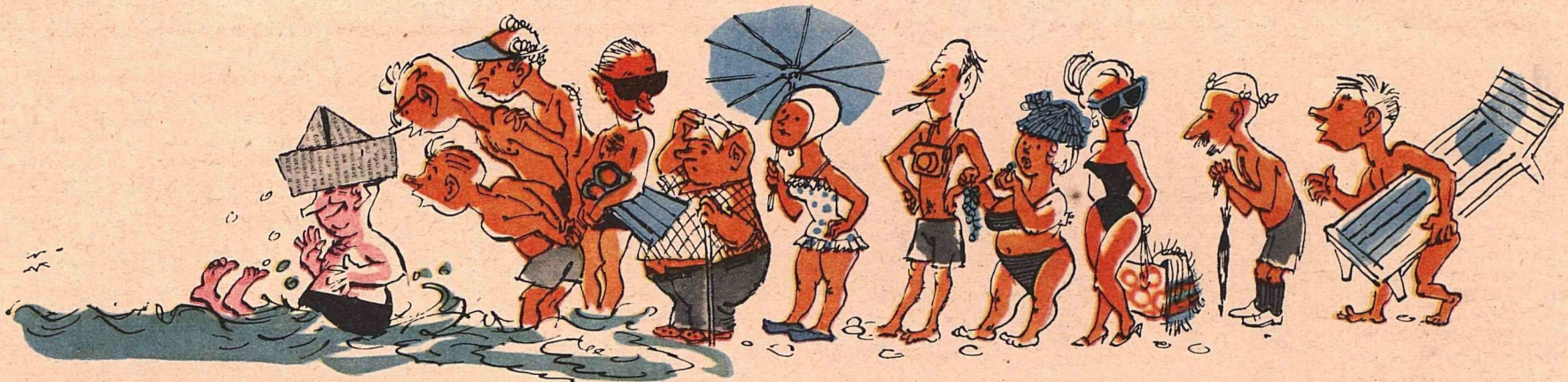

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

— Вы последний за газетой?

ДИТЯ В РЮКЗАКЕ

Собираясь в свое первое путешествие по туристским тропам, Ольга Сергеевна решила захватить из дому все необходимое — палатку, компас, продукты, котелок, широкополую шляпу и пятилетнего сына Мишу.

— Возьмите с собой только шляпу, — советовали ей более опытные землепроходцы. — Продовольствием и походным инвентарем снабдит турбаза, а с ребенком туда все равно не примут. Об этом ясно сказано в путевке.

— Ну, если уж брать что-нибудь одно, — сказала Ольга Сергеевна, — я лучше поеду без шляпы, но с Мишуткой. Он совсем маленький и отлично влезет в рюкзак!

Однако Мишутка в рюкзаке не поместился, и Ольга Сергеевна прибыла на туристскую базу имени Гайдара, держа мальчика за руку. Возле регистратуры хнычущий, притомившийся в дороге Миша сразу же оказался в обществе сверстников. Многие другие мамы и папы явились тоже с малышами, приехав с ними в Геленджик за сотни и тысячи километров. Очевидно, и эти туристы считали, что ребяенок в походе пригодится. Между директором базы и обремененными потомством держателями путевок возникла широкая дискуссия.

— Мы обслуживаем взрослых. Никого с ребятами не принимаем! — решительно заявил директор.

В ответ на директора посыпались укоры в бездушии, черствости, в отвратительном, закоренелом бюрократизме. Питание? Да много ли надо Мишутке! Похлебают с матерью из одной тарелки — вот и сыт. Не нужно ему и отдельной кровати: для сыночка мама с удовольствием подвинется на своей. А уж о том, что родное дитя чем-то помешает, смешно говорить!

Из дебатов у регистратуры было извлечено конструктивное начало. Договорились, что туристы, прибывшие с детьми, определяют их на частную квартиру по соседству, будут водить в ближайшую столовую «Дружба» и поочередно присматривать за всей ребячьей компанией.

Минувал день-другой. И вот, возвратясь с вылазки в совхоз «Абрау-Дюрсо», наши мужественные землепроходцы обнаружили во дворе базы играющих здесь двух девочек и трех мальчуганов из тех, что не поместились в маминых рюкзаках. Еще через день на базе резвилось уже с десяток детишек. В последующие сутки количество их возросло до тридцати с чем-то. Да разве удержишь малышек возле «частной квартиры»?!

Поскольку дети явочным порядком оказались на базе, посещение ими нарпитовской точки «Дружба» немедленно отпало. Мишутки, Танюшки и Витюшки первыми проскальзывали в столовую туристов, занимали столы и, колотя по ним ложками, властно требовали пищи.

В общем-то дети чувствовали себя на турбазе не так уж скверно. Они с визгом играли в Чапаева и Фантомаса, усердно дрессировали пона-

тасканных со всей округи щенков и котят, резались отнятыми у родителей ракетками в пинг-понг, ходили с мамами и папами на пляж.

Между тем среди взрослых все чаще вспыхивали ссоры. Бездетные христом-богом молили мамаш и папаш избавить их от ребячьего общества. Родители обвиняли в черствости теперь уже не директора, а своих соседей по палатам. Воспетая поэтами туристская дружба что-то не налаживалась. Неважно обстояли дела и с осуществлением запланированной туристской программы. Двинуться в многодневный поход изрядная часть землепроходцев категорически отказалась, ссылаясь на необходимость остаться в городе, чтобы пасти своих детишек.

Такая же картина и на соседней турбазе «Солнечная». С той лишь разницей, что здесь полулегально находится уже не тридцать-сорок детей, а две сотни, поскольку эта база гораздо больше. Начинаешь устанавливать у родителей, зачем они взяли из дому ребят, и быстро выясняется, что твои собеседники никакие не туристы, не землепроходцы, не путешественники.

— Просто не было в завкоме другой путевки! — объяснили мамы и папы. — А на турбазу и недорогая путевка, и с дитем здесь можно устроиться!

Вот, оказывается, в чем фокус: очень много туристских путевок попало не к тем, кто любит шагать по пешеходной тропе, закаляться в походах, сидеть у костра, а в руки желающих лишь где-нибудь «устроиться».

Но ведь каждый цех нашей мощной, многоотраслевой индустрии здоровья надо использовать разумно и по прямому назначению. Что получишь из пионерских лагерей, если туда перемешку с ребятами направлять и пенсионеров? Во что превратится выехавший на дачу детский

садик, если к младенцам подкинуть еще и старшеклассников?

Никто, конечно, так не делает. А вот на туристские базы посылают и матерей с детишками, и дряхлых старцев, и первой группы инвалидов, и людей больных, нуждающихся в серьезном лечении. Особенно усердствуют тут завкомы Горьковского автозавода, башкирских нефтяных предприятий, куйбышевских машиностроительных, да и другие от них не шибко отстают.

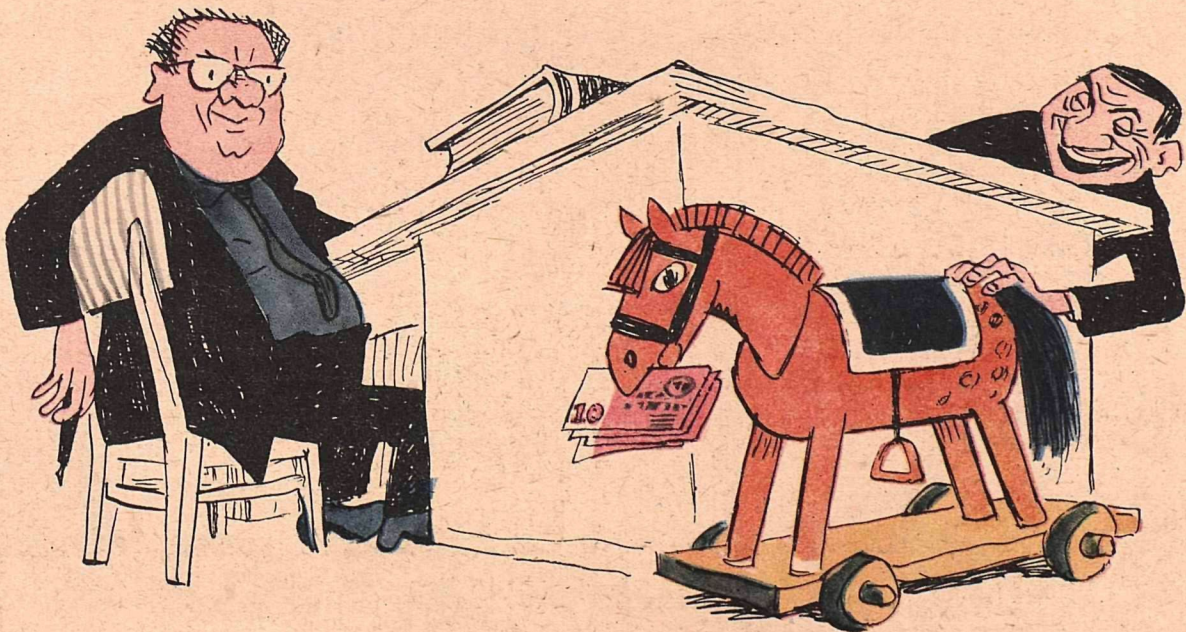
Не мудрено, что многие наши базы самого активного отдыха, называемого туризмом, превращаются в какие-то заезжие дворы, в этикие караван-сарай, заполненные кем попало. И покрываются ржавчиной в караван-сарайских кладовых походные котелки. И млеют без дела штатные инструкторы по разжиганию костров.

Центральному совету по туризму пора бы с помощью всех профсоюзов навести порядок в продаже путевок на свои базы. Железнодорожный. Железобетонный. И даже стальной! Пусть приобретают туда путевки лишь те, кто и в самом деле желает заниматься туризмом, а не занимать места туристов. Насчет того, как это лучше сделать, у работников баз есть дельные предложения.

А пока что Крокодил хочет внести в решение назревшей проблемы свою скромную лепту. Милая Ольга Сергеевна! И все прочие мамы и папы! Не тащите детей на «взрослые» турбазы! Не портите отдых и другим, и самим вашим чадам! Ведь ребенка не упрячешь в рюкзак и не сдашь в камеру хранения.

Евгений ШАТРОВ,

специальный корреспондент Крокодила
Краснодарский край.

— Это лошадка для вашего сынишки!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

ПРОСТО АНЕКДОТ

Импресарио — певце:
— За один концерт вы запрашиваете сумму, вдвое большую, чем наш президент получает в неделю.
— Так почему бы вам не пригласить его спеть?

Жена — мужу:
— Мне надо с тобой серьезно поговорить.
— Можешь начинать. Я скоро вернусь.

— Не понимаю, зачем мне нужно учить английский.
— Но ведь полмира говорит на английском языке.
— Так неужели этого мало?

— Куда ты отправился?
— В свадебное путешествие.
— А где твоя молодая жена?
— Мы экономим: она осталась дома.

— Обвиняемый, вы должны были сразу заметить, что найденный вами кошелек не ваш.
— Может быть, господин судья, но деньги, которые были в кошельке, показались мне очень знакомыми.

— Ну уж сегодня, дорогая, ты не сможешь упрекнуть меня в том, что я оставил свой портфель в кафе, — сказал профессор жене. — Вот он!
— Но, Жан, ведь сегодня ты вышел из дому без портфеля! — воскликнула жена.

Владелец фирмы говорит своим сотрудникам:
— В прошлом году вы все хорошо работали, и доходы фирмы выросли. За это каждый получит чек на двадцать фунтов. Если вы будете так же хорошо работать и в следующем году, я эти чеки подпишу.

— Трудно определить, что у вас за болезнь. Вероятно, это из-за алкоголя.
— Хорошо, доктор, я приду, когда вы будете трезвым...

— Мне все кажется, что ты меня не любишь, — жалуется жена мужу. — Раньше, бывало, ты все вечера сидел возле меня, держал мои руки в своих, а теперь...
— Но, дорогая, с тех пор, как мы продали пианино, в этом нет необходимости.

В парикмахерскую входит лохматый человек и обращается к мастеру:
— Постригите меня, как в прошлый раз.
— Я той стрижки не помню, я здесь работаю всего три года.

Из письма:
«Я верю в мужскую дружбу. Еще и года не прошло с тех пор, как мой приятель увел у меня жену, а он уже хочет мне ее вернуть!»

ПРОИСШЕСТВИЯ

Подежурить попросили семерых,

а явилось подежурить тринадцать. Случилось это в поселке Бердяуш, Челябинской области.

Это такой поселок, где хулиганы есть, а дружинников нет. И вот эти тринадцать явившихся и оказались первыми бердяушскими дружинниками.

Явились они в поселковое отделение милиции, очень гордые от того, что их количество чуть ли не в 1,857 раза превышает ожидаемое. Приемщик вагонов Паршин, кузнец Черепанов, бригадир Умарзакамалов и еще десятеро...

В милицию они пришли за повязками и за инструкциями. Как раз пять часов вечера стукнуло — время, когда часть бердяушцев начинала вести себя очень уж по-военно-воздушному: сплывалась в звенья из трех единиц, заправлялась горячим и с ревом барражировала по поселку, сея страх среди мирного населения.

В такое серьезное время дружинники и подошли к милиции. А тут как раз из соседнего дома песня понеслась.

— Выразительно поют, — заметил начальник вагонного депо Колесников, имея в виду форму исполнения.

— А по-моему, без выражений еще, — сказал мастер Пахтусов, имея в виду содержание песни.

А председатель месткома Зозуленко остановился, пожал плечами и говорит вдруг:

— Но не из этого дома звук, а из вот этого.
— Да тут же милиция! — укорили председателя.
— А он упрямо: «Из вот этого, — говорит. — Клянусь кассой взаимопомощи».

И не обманулся ведь. Из милиции и неслось. — Шел я сивозь вьюгу, — неслось из милиции, — шел сивозь небо, чтобы тебя разыскать на земле.

А войдя внутрь, тут же все и разглядели. Бутылки из-под крайне тонизирующих напитков разглядели и уже тонизирующую ими компанию.

— Здравствуйте! — сказал оперуполномоченный Измайлов, допев куплет самодетельным голосом. — Добрый день! Будьте здоровы!

Дружинники озадаченно поздоровались. И добавили, что явились к назначенному времени для помощи милиции.

— Правильно, — одобрил из-за стола неизвестный

в штатском. — Помогите его найти!.. Он такой большо-ой... Большой и весь синий... Как лимон.

— Кого? — не поняли пришедшие.

— Не знаю я, — печалился штатский. — Я его люблю.

— Повязки нам дайте! — хмуро сказал кузнец Черепанов.

— Сию-пресию секундоочку! — с удовольствием отозвался оперуполномоченный Измайлов и скомандовал сидевшим: — За повязками за мной!

Сидевшие вылезли из-за стола, направились к двери, миновали дверные косяки, вышли на улицу... А оперуполномоченный Измайлов сплывал. Он хотел что-то сделать и в дверях взмахнул рукой. Может, козырнуть решил, а может, и помахать ручкой по-штатски. Но очень горячо за это зылся и поэтому упал в глазах общественности. Но не сильно упал и в грязь лицом при этом не ударил, а ловко вскочил на ноги и тоже удалился.

А общественность одна в милиции осталась. Час посидели — никого. Полтора посидели — никого.

— Так и запить с тоски недолго, — сказал кто-то.

— До нас уже выпито, — возразили ему.

И уйти не уйдешь, чтобы самостоятельно подежурить. Валляются в комнате документы какие-то, фотоаппарат, винтовки мелкокалиберные, бутылки...

— Сдать бы их надо, — хозяйственно заметила парторг депо Ромазанова.

— А на вырученные деньги кумача купим, — поддержали ее, — и сами себе повязок настрижем.

— Да я не про бутылки, — сказала Ромазанова. — Оружие и прочее девать нам куда бы...

Взвесили все трезво, сходили на улицу, поискали, привели похиленную магазинную сторожиху. Очень такую прантичную. Без лишнего слов (сказала только: «Во как набузонились!») повозилась она с замками и чем-то заперла дверь милиции.

— Чтобы тебя-а отыскать на земле! — зазвучало тут где-то в переулке, и дружинники побежали туда, думая, что милиционеры их ищут, заблудившись в сумерках.

Но нет. Не милиционеры это пели, а местные хулиганы. И вставляли при этом в песню излишне грубые слова.

Хулиганы в Бердяуше все еще водились.

Хотя иногда вобла и бывает,

но чаще ее фактически нет. И через этот любопытный факт граждане, пьющие пиво, попадают в отдельные ненужные истории. Да еще впутывают туда разных сторонних непьющих.

Один такой любящий пиво товарищ живет в Москве на Измайловском бульваре, носит фамилию Горбунов и имеет в городе Шахты давнишнюю знакомую по имени Мария. Когда-то они там по соседству жили.

А в южном городе Шахты вобла как раз случается.

«Здравствуй, Маша! — пишет поэтому товарищ Горбунов товарищу Марии. — С приветом к тебе Федя! Не могла бы ты, Маша, прислать мне по старой соседской дружбе пятачок воблы, а то пиво без воблы — все равно что вобла без пивала»

Маше что! Душа у нее отзывчивая, память удивительная. Вспомнила: да, был такой Федя Горбунов по соседству. И отнесла на почту все, что попрошено было.

И сразу — драма. Не совсем, правда, сразу. Сначала Маша домой с почты вернулась. Вернулась, а дома муж сидит. С курорта приехал.

В такой вот радостной ситуации только что поцелованная Маша и роняет на пол квитанцию только что отправленной посылки.

— Так! — говорит тогда Машин муж, переставая прекрасно выглядеть. — Мужчина?!

После чего берет себя в руки и в дальнейшем не душит жену. Не бьет. Не замахивается предметами обихода. А просто не верит в неамурное содержимое посылки. Так что Маша снова бежит на почту и просит вернуть посылку для показа мужу.

Но, оказывается, Шахтинская почта уже отправила посылку в Москву, в почтовое отделение Е-264. Маша телеграмму туда: вернуть посылку обратно. А там не успели спохватиться, как пришел Горбунов, забрал свою воблу и с удовольствием не стал с ней канителиться.

И когда наутро получил служебную телеграмму от начальника почтового отделения Е-264 Кондратьевой со словами: «Верните посылку обратно по требова-

нию отправителя», — то только пожал в душе плечами. Но на почту все же пошел и сказал, что вобла уже непоправимо съедена и запит пивом.

— Этаким вы бестолочь! — растолковали ему. — Замените ее другой воблой, эквивалентной!

Смешно тут стало Горбунову от такого наивного предложения. Ушел, смеясь.

И получил потом опять извещение: зайдите на почту.

Опять зашел. Оказывается, Маша пожаловалась уже на работников почты, и теперь Московский почтамп грозит им принятием мер.

— Ну, съел же я ее, съел! — объяснил Горбунов. — Всю.

— Давайте сделаем так, — предложила начальник почтового отделения Е-264 тов. Кондратьева. — Я сама достану воблу.

Опять посмеялся Горбунов, а потом в голове забарахтились разные вопросы. Написал своей подруге детства: «Что с тобой, Маша?»

А Маше плохо было. Неудобно было Маше перед Федей. Но сидит перед нею муж, переполненный поздравлениями и непоколебимый, как баобаб. Плохо ест, плохо спит, нехорошо разговаривает.

Вот и бегаёт Маша до сих пор на почту и требует и требует... И поругивают в Москве на совещаниях начальника почтового отделения Е-264 Кондратьеву за такой долгий невозврат. И зовут, зовут Горбунова на почту...

— Я, — говорит теперь Горбунов приятелям, — через этот дефицит угодил в историю, как черт в рукомайник.

— Я, — говорит Кондратьева, — совсем не знаю, как и быть.

— Я, — говорит Машин муж, — любим? Или он? Видите, как получилось? Все теперь тут есть: окаянная ревность, служебные невзгоды, дружба детства, содержательная переписка, слезы... Крики души есть. Любовь какая ни на есть.

А воблы нет.

Е. МАТВЕЕВ

«ЛЕТИ, ПИСЬМО ЗАВЕТНОЕ!..»

В городе Рубцовске на Алтае есть проектно-сметное бюро. Однажды потребовалось этому бюро отправить письмо в рубцовскую же горбаню. Но на рубцовской почте решили, что горбаня — это вовсе не горская баня, а почтовое отделение Горбани на Кивещине. Туда письмо и переслали.

Об этом сообщалось в заметке «Лети, письмо заветное!..», напечатанной в № 19 «Кронодила».

Заместитель начальника Алтайского краевого производственно-технического управления связи И. Яценко сообщил, что заметка обсуждалась в Рубцовском узле связи. С работни-

ками проведен инструктаж и усилен контроль за сортировкой корреспонденции.

«СТАКАН ЧАЮ»

О плохом обслуживании в ресторане «Теберда» рассказывала заметка «Стакан чаю», опубликованная в № 17 «Кронодила».

Как сообщил управляющий Тебердинским отделением «Курортторга» тов. Соловьев, факты подтвердились. В целях улучшения обслуживания посетителей увеличен штат ресторана, продлены часы работы. Работники общественного питания курорта приняли обязательство обслуживать посетителей так, чтобы не иметь ни одного замечания.

«БЕЗ БУЛЬДОЗЕРА — ТРУБА!»

В фельетоне под таким заголовком (№ 18 «Кронодила») рассказывалось о том, как в далекой Сахалинской области, в Ногликах, бульдозер Охинской геологоразведочной конторы простоял два с половиной месяца на улице в ожидании, когда его забрет владелец.

Управляющий Охинской ГРК тов. Мосейчук сообщил, что выступление Кронодила обсуждалось на заседании парткома. Старшему прорабу Н. Т. Столповскому, к участку которого был приписан беспризорный бульдозер, объявлен строгий выговор.

КРОНОДИЛА ПОМОГ

МИМОХОДОМ

Взяточник чувствовал недовыможание.
В. БАКУН

Никакой суд не должен быть чересчур товарищеским.

Перегибать палку просто необходимо, если ты твердо решил сломать ее.

Внутренний голос подсказывал тенору: кажется, вы дали петуха.

Следуя моде, водонапорная башня объявила неделю подачи воды.

А. ЧЕРНОВ

Дамоклов меч не страшен безголовому.
В. ДРЯМОВ

Не всякий поющий с чужого голоса — певец.

Литературу не любил: предпочитал читать нотации.

Вполне современный город: магазины без продавцов, трамваи без кондукторов, театры без зрителей.

Диетиздат.

Драматург писал пьесы на «бис».

Покупатель продавцу: «Я уж не возражаю, грубите, но только культурно!»

Салон для сновобрачных.

Даже железная дисциплина не застрахована от жвачкины.

Родился в сорочке, но немодной. И этого не мог простить родителям.

С. МАРКОВ

Акт: погиб при дележе шкуры неубитого медведя.

Если хищник держит в зубах неопытную курицу, не верьте, что это проба пера.

Собрал коллекцию камешков за пазухой.

Л. БЕЛАЯ

Его золотые слова были невысокой пробы.

Г. ГОРОДЕЦКИЙ

Пациент сидел в кресле дантиста, поджавши зубы.

Сердце стучало, умоляя хозяина вести себя потише.

Быт — лучшее средство от вдохновения.

Чистая душа — та, в которую не ступала нога человека.

В. ВЕТРОВ

О санитарном враче говорили: «Такой и мухи не обидит».

Ю. СКРЫЛЕВ

Принимал близко к сердцу только сердечные капли.

Предпочтительно, чтобы рыбка плавала, а не всплывала.

И буквоеды не одними буквами кормятся.

Л. МИТНИЦКИЙ

Плакат на швейном предприятии: «Ни дня без строчки!»

М. ЗАРХИН

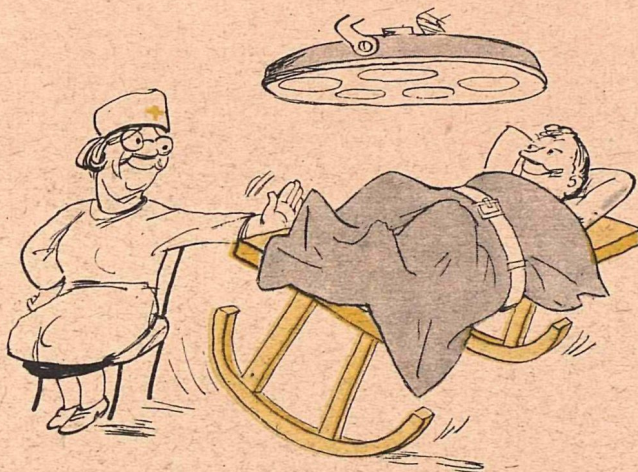
К вашему сведению:

Тому, кто решил
Раздобыть крокодила,
Не нужно растрчивать
Время и силы,
Ружье и пирога
Ему ни к чему,
И плыть за три моря
Не нужно ему,
Не нужно в дорогу,
Кряхтя, собираться,
Не нужно, рыдая,
С семьей расставаться,
Не нужно с друзьями
Надолго прощаться,
А нужно всего лишь
Пойти
подписаться!

Подписка в порядке!
Квитанция есть!
Придут «Крокодилы»
Числом тридцать шесть.
Порадуют улыбкой,
Подарят улыбки,
Полезна для всех,
Иного «герол»
Сразят без ошибки,
А смехозарядка
Полезна для всех,
Отличная вещь —
Заразительный смех!
Хотите, друзья,
«Крокодил» получать!

ТОГДА ПОСПЕШИТЕ
В «СОЮЗПЕЧАТЬ»!

Подписка на «Крокодил» на 1969 год принимается повсеместно без ограничений в пунктах подписки «Союзпечать», общественными распространителями на предприятиях, в колхозах, совхозах, учреждениях, учебных заведениях, а также в отделениях связи.

Наркоз кончился.

Рисунок А. ГРУНИНА

— Собственно, против вас я ничего не имею, но сами понимаете — семья, дети...

Рисунок О. КОРНЕВА

КРОКОДИЛ

№ 26 (1892)

ГОД ИЗДАНИЯ
СОРОК СЕДЬМОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

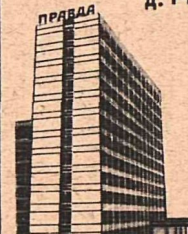

журнал
выходит
три раза
в месяц

Темы рисунков этого номера придумали:
М. Вайсборд, А. Грунин,
В. Жаринов, З. Лаврентьев,
Н. Станиславский,
Ю. Степанов, В. Соловьев,
Ю. Черепанов.

НАШ АДРЕС:

МОСКВА А-15
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

5 0-10-86
5 3-34-37

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

А. Н. ВАСИЛЬЕВ
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
[зам. главного редактора]
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
[ответственный секретарь]
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМЕРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

А 00158.
Подписано к печати
9/IX 1968 г.
Формат бумаги 70×108 $\frac{1}{4}$.
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 4 900 000 экз.
(1 завод: 1—4 124 700)
Изд. № 1645.
Заказ № 2456.

Ордена Ленина
типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

Е48298

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

Взбешенные провалом своих планов в Чехословакии, реакционные силы ФРГ и некоторых других западных стран развернули кампанию клеветы против социалистического лагеря.

ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
КОНТРОЛ. СЕПТЕМБР
1968 год

К Л Е В Е Щ А Н И Е Н А Е В Р О П У

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА